

СТЕФАН АНХЕМ

10

«СТЕФАН АНХЕМ МАСТЕРСКИ
ВЫДЕРЖИВАЕТ БАЛАНС
МЕЖДУ ВИРТУОЗНОЙ
СЮЖЕТНОЙ ИНТРИГОЙ
И ГЛУБОКИМ ПСИХОЛОГИЗМОМ».

BETTER READING

СПОСОБОВ УМЕРЕТЬ

Стефан Анхем
10 способов умереть
Серия «Триллер по-скандинавски»
Серия «Фабиан Риск», книга 5

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66632322
10 способов умереть: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-127449-8

Аннотация

Полиция Хельсингборга с трудом удерживает порядок в городе. На улицах царит хаос, люди объята страхом. Жестокий серийный убийца наносит очередной удар. У него нет никаких явных мотивов, есть только необъяснимое желание убивать. Преступления настолько случайны, что невозможно вычислить логику маньяка и предугадать, кто станет его следующей жертвой. Но детективы уверены, что почти напали на след, однако Фабиан Риск не придерживается официальной линии расследования. Для него это личная вендетта, и когда появляется новая жертва, всем становится ясно, что все это время преступник умело манипулировал детективами.

Инспектор Риск продолжает охотиться за убийцей, хотя его собственная жизнь рушится: сын в бегах, дочь больна, коллеги скрывают свои темные секреты. Но пути назад уже нет. Убийца

устанавливает правила. Все зависит от броска игральных костей.
Ставка – жизнь.

Игра началась, и Фабиан Риск вынужден вступить в нее.

Содержание

Часть третья. 24–27 июня 2012 г.	6
1	7
2	18
3	26
4	33
5	38
6	43
7	56
8	62
9	73
10	80
11	85
12	94
13	98
14	108
15	120
16	127
17	138
18	144
19	151
20	162
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Стефан Анхем

10 способов умереть

Stefan Ahnhem

X WAYS TO DIE

© Stefan Ahnhem, 2020

© Солуянова М., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Бог не играет в кости.
Альберт Эйнштейн*

Часть третья. 24–27 июня 2012 г.

Говорят, что у каждого убийства есть свой мотив. Месть за какую-то застаревшую обиду, полное ужасов детство, которое заставляет преступника подвергать жертву всему тому, что испытал он сам. Все, что угодно, что может объяснить ужасное и непонятное. Причина и следствие, которые в своем симбиозе позволяют лучше понимать мир и помогают нам почувствовать себя хоть немного в безопасности.

К сожалению, в некоторых случаях это всего лишь иллюзия. Абсолютное зло никогда не нуждалось и никогда не будет нуждаться ни в каком мотиве.

Судя по всему, замок на двери подъезда красного трехэтажного дома напротив железнодорожной станции в Клиппане не смазывали ни разу за последние двадцать лет. Поэтому дверь не закрывалась до конца: всегда оставался хотя бы один миллиметр. По этой же причине она легко открывалась без кода, ключа или каких-либо особенных усилий.

Лео Ханси уже был готов сдаться. Но когда он сумел-таки проскользнуть в подъезд, не включив свет, то впервые за несколько часов почувствовал надежду – его последняя ночь до того, как он всерьез возьмется за свою жизнь, может быть, все-таки закончится хорошо. Он не мог припомнить, когда в последний раз проводил всю ночь напролет в одном месте, и именно эта июньская ночь, которая неумолимо приближалась к концу, пока что побила все рекорды по неудачам.

Он был на ногах уже целых шесть часов. Объезжал один за другим все дома по Бьерсгордсвеген, Фредсгатан и Вальгатан, но единственное, что ему удалось заполучить – довольно свежую коляску и розовый детский велосипед. Все это лишь указывало на то, как низко он опустился. Воровать у детей и молодых родителей. Что может быть хуже?

Все вместе эти находки можно оценить самое большее в пять сотен, а это значит, что он даже не дотянет до ста крон в час. Кроме того, если учесть затраты на бензин, кофе-брейк

и размер полученной компенсации за работу во внеурочное время, то становилось очевидным, что вся затея абсолютно убыточна. И вдруг жизнь с вечерней школой, кредитом на обучение и несколькими годами позже степенью магистра Лундского университета начинала казаться чем-то абсолютно очевидным и само собой разумеющимся.

Именно тот случай с грилем фирмы «Вебер» заставил его после всех этих лет решить, что с него хватит. Он наконец понял, что нужно навести порядок в своей жизни. Должно произойти что-то значимое, какие-то большие перемены, сколько можно шнырять по чужим дворам, разбивать окна и обчищать полуразвалившиеся машины.

Гриль был размером с небольшую летнюю кухню и, конечно же, на газу, что с точки зрения экологии, несомненно, было наихудшим вариантом. Но, судя по полноприводному джипу, стоявшему на подъездной дорожке у дома, проблемы глобального изменения климата ничуть не волновали владельцев газового сокровища. Он нисколько не удивился бы, если бы узнал, что на решетку они обычно клали только красное мясо. Большие жирные бифштексы, которые выделяют огромное количество углекислого газа, и на переваривание которых желудку требуется уйма времени. Эти ублюдки наверняка используют только самолёты для путешествий и других своих передвижений.

Все эти размышления привели к тому, что у него не было и малейших угрызений совести, когда он заметил отпо-

лированный до блеска гриль, который одиноко стоял на деревянном настиле в саду. Новенький он стоил бы не меньше тридцати штук, так что за него можно без проблем получить несколько тысяч, может, даже пятерку дадут.

Но как только он успел ступить на дощатый пол навеса, неожиданно его осветили лучи прожекторов. Он словно внезапно очутился на допросе в Гуантанамо. Но это еще не самое страшное. Проблема была в гребаной собаке, которая внезапно проснулась и начала лаять как бешеная и в итоге разбудила и хозяина, и хозяйку, которые, конечно же, выпустили её на территорию сада.

Помимо таких вот придурков, ни капли не заботящихся об экологии планеты, проблему вечно составляли собаки. Мало того, что они гадили везде, где придется. Они воняли, как ходячие мусорные свалки, и к тому же начинали лаять, как только он попадал в поле их зрения, они так голосили, словно это был вопрос жизни и смерти. Не имело значения, большая была псина или маленькая, был ли полдень и ярко светило солнце, и была ли собака в будке на другой стороне улицы. Как только собака замечала его – лай поднимался в течение всего нескольких секунд.

По крайней мере он успел добежать до фургона, который завелся уже со второй попытки, чего раньше никогда не случалось.

На самом деле он не мог понять, как ему удавалось продолжать заниматься этим в течение стольких лет. Особенно

когда дело касалось частных домов. Всего несколько лет назад было достаточно камня, чтобы просто выбить окно, и вот ты уже внутри. Сегодня же почти в каждом доме установлена орущая на всю округу сигнализация или сидит на привязи пускающая слюни собака.

Кроме того, все чаще стали встречаться сейфы, где все, что когда-то можно было легко забрать, теперь было заперто. Даже телевизор не стоит того, чтобы с ним возиться. Теперь требуется так много времени, чтобы демонтировать его со стены, что он успевает стать несовременным еще до того, как вы успели положить его в багажник машины.

Когда-то и с квартирами все было по-другому. Проживая в них, люди по какой-то причине чувствовали себя в безопасности и вообще не нуждались в установке сигнализации. Некоторые были даже настолько наивны, что оставляли дверь незапертой. В таком случае было достаточно просто протянуть руку и спокойно пошарить в карманах верхней одежды в поисках кошельков и ключей.

Теперь же невозможно было рассчитывать даже на то, что одна из нескольких сотен дверей была не заперта. Как и ожидалось, все три квартиры на первом и втором этажах были закрыты на ключ. К тому же его обычная отмычка не имела шансов открыть те новые замки, которыми были оборудованы все квартиры. На самом верхнем этаже было всего две квартиры, что еще больше снижало его шансы.

И, конечно же, первая была заперта. Поэтому он подошел

ко второй и встал перед ней.

Он окончательно и бесповоротно решил, что это последняя ночь, когда он вышел на «охоту» и занимается таким унижительным делом. Решение было принято, и так и будет. Что бы ни случилось, это точно последняя лестничная клетка и последняя дверь, подумал он, когда положил руку на дверную ручку Эверта Йонссона. Едва успел нажать на нее, как дверь подалась вперед.

Придя в себя от того, что дверь действительно была не заперта, он шагнул в темноту и подождал несколько секунд, прежде чем осторожно закрыл за собой дверь и прислушался к звукам, которые мог издавать хозяин квартиры или, что еще хуже, собака. Но тишина была абсолютная. Было тихо и как-то душно. Как будто воздух неделями стоял неподвижно и стал таким густым, что прилипал к лицу. К тому же он почувствовал слабый запах чего-то сладкого и вызывающего дурноту.

Он зажег фонарик и направил луч света на полку для головных уборов, где на вешалках висели две куртки и пиджак. Но кроме одной открытой упаковки леденцов «Друг рыбака», оторванной пуговицы рубашки и нескольких старых чеков из «Консума» он не нашел в карманах ничего интересного. Шкафчик с ключами на стене оказался таким же бесполезным. Ни ключей от машины, ни ключа от сейфа там не было.

Он продолжил свой путь по коридору, пытаясь избавить-

ся от чувства нарастающей дурноты. Но, по-видимому, это было невозможно. Что-то здесь не так. Что-то, что заставило его подумать, не развернуться ли и не отправиться домой, чтобы начать новую жизнь прямо сейчас. Но сдаваться так просто он не собирался. Незапертая квартира! Удача сама идет ему в руки.

Первая дверь налево была закрыта, и открывать ее пока он не планировал, ведь, вероятнее всего, она вела в спальню. Он не хотел рисковать тем, что может разбудить старика. Поэтому он вошел в приоткрытую дверь справа, которая вела на кухню.

Здесь тоже пахло не слишком приятно. Но, по крайней мере, именно этот запах он узнал. Запах несвежей еды, мусора и слива в раковине. Одна из конфорок на электрической плите все еще была включена, и он, не раздумывая, подошел и выключил ее. Он не мог вынести того, что драгоценная энергия просто тратится впустую.

Позади него на круглом столике у одной стены стояла пустая тарелка с ножом и вилкой и такой же пустой стакан. Там же были наполовину полная бутылка кетчупа, баночка с универсальной приправой «Пиффи» и пакет молока.

Срок годности молока истек 27 мая, то есть почти месяц назад. Это многое объясняло. Эверт Йонссон был мертв, и почти наверняка все еще находился в квартире.

Однажды он уже видел мертвого человека, но только мельком, больше десяти лет назад, когда проезжал мимо ава-

рии на шоссе. И все же ему до сих пор иногда снились кошмары со всеми мельчайшими деталями увиденного, прочно засевшими в памяти.

Хотелось бы надеяться, что здесь ему не придется увидеть ничего ужасающего, ведь у старика, вероятно, случился инсульт или что-то в этом роде. С другой стороны, он понятия не имел, как должно выглядеть тело мертвого человека, целый месяц пролежавшее при летней жаре.

Он вернулся в коридор, подошел к закрытой двери и взял себя в руки, прежде чем открыть ее. Как он и думал, это была спальня. Жалюзи опущены, но свет предрассветного неба просачивался внутрь комнаты и ложился полосатым одеялом на тумбочку с грудой книг и на письменный стол, на котором стоял стационарный компьютер.

И на кровать тоже.

Пустую кровать.

Лео Ханси ничего не мог понять. В квартире была еще одна спальня? Или Эверту Йонссону повезло, и он сумел вызвать «Скорую» и оказался в больнице? Так вот как все было? Он просто не успел запереть дверь?

Компьютер на столе марки «Делл», она совсем не была эксклюзивной. И тем не менее системный блок и монитор казались относительно новыми, и в зависимости от того, сколько памяти и какой процессор там был, он вполне мог получить за все это несколько тысяч.

Он отодвинул мышку, намереваясь отключить клавиату-

ру, но тут монитор загорелся и показался рабочий стол с кучей папок и документов. Компьютер не был защищен паролем, что можно было рассматривать как удачу, сравнимую только с еще одной незапертой квартирой. Поэтому он сел в компьютерное кресло за столом и принялся изучать различные папки, названия которых состояли только из коротких непонятных сочетаний букв.

Кроме одного. *Биткоин кошелек*.

Он слышал о биткойне, знал, что это какая-то виртуальная валюта, которую придумал некий японец, и каждая транзакция требует огромных затрат электроэнергии. Судя по всему, вся эта система потребляет столько же электроэнергии, сколько целая страна, такая как, например, Швейцария. Но как все это работает и что с этим делать, он не имел ни малейшего понятия.

Он открыл программу, пощелкал по разным иконкам наугад, пока не увидел окно с двумя отдельными колонками. Одна называлась *Кошелек*, другая *Последние транзакции*, и, насколько он понял, Эверт Йонссон за последние полгода купил 2 400 биткойнов.

Это мало о чем ему говорило. Такая сумма могла соответствовать нескольким сотням, а, может быть, нескольким тысячам крон. Но если повезет, он, возможно, наконец-то получит награду за свои ночные вылазки.

Он нашел иконку браузера, вышел в интернет и ввел в строку поиска «Курс биткойна на сегодня». Страница, на

которую он попал, представляла собой сотни цифр в разных колонках, которые все время менялись. Все это казалось доступным для понимания разве что ученому-математику. Но когда пульс немного успокоился, он понял, что сердце уже осознало нечто такое, на что мозгу понадобилось еще несколько секунд, чтобы осмыслить.

Один биткоин стоил семь долларов. *Семь долларов*, – повторил он про себя в то время, как подсчет в уме показал, что биткоины старика в общей сложности могли стоить никак не меньше ста пятидесяти тысяч шведских крон. Это огромная сумма, и к тому же прямо в карман. Никаких торгующихся посредников, и прежде всего никаких угрызений совести из-за краж у молодых родителей или какой-нибудь маленькой девочки, которая только-только научилась ездить на велосипеде.

Он отсоединил монитор от многочисленных проводов, вынес его в прихожую и только собрался забрать все остальное, как до него дошло, что он даже не заглянул в гостиную, которая должна была находиться в дальнем конце коридора за стеклянной дверью.

Конечно, больше всего на свете ему хотелось просто взять компьютер и свалить, но ведь в гостиной могла стоять весьма ценная старая ваза или, если уж удача сегодня действительно на его стороне, дорогой предмет искусства.

Но в ту же секунду, когда он открыл стеклянную дверь, ценные вещи перестали занимать его мысли. Резкий сладко-

ватый запах ударил ему в нос. Запах, заставивший его натянуть ворот свитера на рот и дышать только таким образом.

Два шага вперед в глубину комнаты, большего и не потребовалось, чтобы понять, откуда исходит запах. Однако он не мог взять в толк, что это было. Он подошел ближе и направил луч фонарика на некую конструкцию цилиндрической формы, которая лежала на полу. Она была чуть больше полуметра в диаметре и около двух метров в длину, темно-зеленого или ближе к коричневому цвета и была сделана из какого-то полиэтилена. Как палатка. Или теплица. Таким материалом человек мог бы начать пользоваться тогда, когда Земля перестанет быть пригодной для жизни и настанет время заселить Марс.

Он направил луч фонарика на один конец цилиндра. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это дно прозрачного полиэтиленового пакета, и когда он осторожно ощупал рукой его изогнутый край, то понял, что внутри было велосипедное колесо, которое позволяло фиксировать стенки пакета, полиэтилен благодаря колесу оставался натянутым. Вероятно, на другом конце было еще одно колесо, а посередине два пакета были обмотаны сверхпрочной клейкой лентой в несколько слоев.

Вся эта конструкция явно была самоделкой. Но для чего она предназначалась?

Он наклонился над палаткой и посветил внутрь фонариком, но не увидел ничего, кроме чего-то темно-зеленого и

коричневого. Как будто там внутри были какие-то водоросли или что-то подобное и оно росло на стенках конструкции изнутри.

Но в какой-то момент его заинтересовало то, что было внутри большого мешка под зелено-коричневой массой, и только сейчас оно понял, что это нечто двигалось.

Все, что вы знаете, *ошибочно*...

Куда бы он ни посмотрел – всюду видны только чьи-то ноги. Около двадцати человек разного возраста стояли со своими тележками и во все глаза смотрели на него. Он поднялся, сел на идеально отполированный каменный пол и обернулся на голос девочки, который послышался откуда-то сзади. Это была Матильда, его дочь. Она сидела в позе лотоса и смотрела на него тем новым взглядом, к которому он, наверное, никогда не сможет привыкнуть. Взгляд, который точно не принадлежал ей и так ясно отражал то, что она не была прежней Матильдой.

– Что ты сказала? – спросил он.

Все, что вы знаете, ошибочно...

Тонкий голосок точно принадлежал девочке. Он видел, как ее губы двигались синхронно с произносимыми словами. Но это не был голос Матильды, по крайней мере, не *его* Матильды.

– Фабиан, ты меня слышишь? – Фабиан поднял голову и увидел, как Соня наклонилась над ним. – Ты упал в обморок.

– Нет, Соня, – покачал головой он. – Я не падал в обморок. Она кивнула и улыбнулась.

– Давай, я помогу тебе подняться. – Она помогла ему встать на ноги и повернулась ко всем, кто стоял вокруг. –

Теперь вы можете перестать пялиться и вернуться к своим покупкам. Шоу окончено.

Зрители разошлись, а Фабиан краем глаза вдруг заметил одетого во все темное мужчину, который пронесся мимо него, направляясь к прилавку с мясом, и только тогда пришел в себя и понял, что они находятся в «Ика Макси» в Хюллинге.

Соня приложила ладони к его щекам и повернула его лицо к себе.

– Ты и Теодор. Вы ссорились и кричали друг на друга так громко, что все стали останавливаться и смотреть на вас. Я пыталась вас успокоить, но... – Она покачала головой. От ее спокойствия не осталось и следа. – Я и не знала, что он такой сильный. Ты упал и ударился головой об пол, а сейчас он... Мы с Матильдой пытались удержать его, но это было невозможно. Понимаешь? А теперь нам нужно найти его, пока еще не слишком поздно. – Она была готова расплакаться.

– Соня, успокойся, – он потрепал ее по щеке. – Мы обязательно найдем его.

Все, что вы знаете, ошибочно...

Он резко повернулся к Матильде.

– Это ты повторяешь эти слова снова и снова?

– Зачем спрашивать, если ты уже знаешь ответ?

Грета. Тот призрак. Это она пытается ему что-то сказать? Так вот из-за чего все это произошло? А ведь он никогда не верил в привидения. Или в духов, как их называла Матильда.

А этот мужчина в черном у прилавка с мясом, который стоит в очереди. Почему он не может перестать смотреть на него? И что у него с лицом?

Мужчина вдруг бросился к прилавку, одним движением уперся левой рукой в стеклянный прилавок и перелетел на другую сторону, потом схватил один из ножей с разделочной доски и вонзил его в горло продавца, в котором Фабиан только сейчас узнал Ассара Сканоса, тот был в джинсах с высокой посадкой и бежевой куртке с символом «Шведских демократов».

Сканос закричал от боли, пытаясь одной рукой остановить кровотечение, а другой задержать нападавшего. Но давление в сонной артерии было настолько сильным, что кровь фонтаном высотой в несколько метров брызгала у него из шеи, орошая все вокруг. В это время преступник продолжал наносить один за другим удары ножом, как будто и не собирался никогда останавливаться.

Фабиан никогда не видел ничего более ужасающего. И все же у него было такое чувство, что все происходящее ему чем-то знакомо. Как будто оно было эхом чего-то гораздо более ужасного.

Все, что вы знаете, ошибочно...

И этот тонкий девичий голосок. Почему она не может просто оставить его в покое? Ведь это же Матильда задавала вопросы и получила загадочный ответ во время того сеанса. Или нет? Может быть, ответ был в действительности адресо-

ван именно ему? Не потому ли голос снова и снова повторял эту фразу?

– Нет, пожалуйста, не ходи туда. – Соня попыталась задержать его. – Мы должны найти Теодора. Ты, я и Матильда – все вместе. Иначе мы навсегда потеряем его.

Но он уже вырвался из объятий жены и направлялся к прилавку с мясом, за которым лежал в луже крови Сканос.

– Послушай же меня, черт возьми, – послышался крик Сони у него за спиной. – Наш сын сбежал, и мы должны найти его, пока не поздно!

Он мог прямо сейчас задержать преступника, Фабиан чувствовал это. Больше полагаться было не на кого. Ни руководителя. Ни команды. Никого, кроме него самого, не было.

Перебравшись через прилавок, он наступил в растекающуюся под Сканосом лужу крови, тот лежал на полу без признаков жизни с воткнутой в лицо вилкой для мяса.

Кровь была повсюду. На руках Сканоса, на одежде, на лице. Он почувствовал сладкий железный привкус во рту. Но преступника и след простыл. Перед ним была только ходившая взад-вперед распашная дверь, которая вела в комнату для персонала.

Все, что вы знаете, ошибочно...

Он прошел через двери и вошел в прачечную, где преступник стоял нагнувшись перед большой желтой стиральной машиной в дальнем конце помещения и нажимал на кнопку.

– Эй, ты! – крикнул он и потянулся за пистолетом в кобуре под пиджаком. – Быстро на пол! Руки по сторонам!

Но пистолета не было. Не было и кобуры. Тем временем мужчина уже уходил через тяжелую металлическую дверь. Фабиан поспешил за ним, но дверь закрылась прямо перед его носом, а открыть ее не представлялось никакой возможности, сколько он ни колотил и ни дергал ручку.

Запыхавшийся, со следами крови на одежде и мокрый от пота, он повернулся к ряду стиральных машин и подошел к желтой, на которой как раз запускалась программа, машинка начала закачивать воду.

Все, что вы знаете, ошибочно...

Он наклонился и заглянул через стеклянную дверцу прямо во вращающуюся, будто магическую темноту.

Только когда рука ударилась о стеклянную дверцу прямо у него перед лицом, он понял, что там кто-то есть. Кто-то отчаянно пытающийся выбраться, в то время как барабан продолжает вращаться. Сначала в одну сторону, потом в другую.

В попытке остановить программу он стал нажимать на кнопки, и когда это не помогло, он начал бить по ним. Но барабан продолжал вращаться, вода набиралась, а рука все более отчаянно колотила по внутренней стороне стеклянной дверцы.

Он кинулся к мощному электрическому кабелю, который тянулся от машинки к розетке на стене с выключателем. Но, даже нажав на выключать, он продолжал слышать, как ма-

шинка продолжает набирать воду и вращать барабан.

В отчаянии он опустился перед стеклянной дверцей и посмотрел на вращающийся внутри темный ад, не в силах что-либо сделать.

Все, что вы знаете, ошибочно...

Даже когда внезапно к стеклянной дверце оказалось прижатым лицо Теодора, он не смог ничего сделать. Его родной сын. Это был он. Он пытался бороться за свою жизнь, в то время как вращающийся барабан с равными промежутками времени опускал его под воду.

Теодор закричал. Он и сам закричал так громко, как только мог. Но не было слышно ничего, кроме всплесков воды и работающего барабана, который вращался все быстрее и быстрее, пока кричащее лицо Теодора не превратилось во что-то размытое и бесформенное.

Фабиан открыл глаза и увидел люстру, которая досталась им от прежнего хозяина дома Отто Палдински, и все еще висела на потолке в их спальне, хотя ни ему, ни Соне она совсем не нравилась.

Это всего лишь сон, – повторил он про себя. Кошмар. На самом деле сейчас в его жизни все было гораздо лучше, чем в течение многих прошедших лет. Соня лежит абсолютно голой рядом с ним в постели, убийца свингеров Эрик Якобсен под арестом, а посадочные талоны, которые поставили под сомнение берлинское алиби Ингвара Муландера, спрятаны в надежном месте, чего еще можно желать?

Даже Теодор все осознал и решил сегодня днем вместе с ним пересечь пролив и явиться в датскую полицию, чтобы рассказать всю правду и дать показания в суде против «Банды смайлов».

И все же, несмотря на все это, он почувствовал, как сердце бьется в груди, словно скачущая лошадь. Как внезапный приступ паники, который в любой момент может обмануть мозг, сказав, что человек больше не может дышать и сейчас близок к смерти.

Неужели этот кошмар настолько потряс его, что он до сих пор не может прийти в себя? Ведь это действительно был всего лишь сон? По крайней мере, он был таким странным и запутанным, что Фабиан заподозрил это задолго до того, как проснулся. Но не это пугало его. А то, почему он видел во сне все то, что так живо предстало перед его глазами, и именно это осознание вызвало прилив адреналина.

Он очень осторожно встал с кровати, чтобы не разбудить Соню, поспешно вышел в коридор и рванул дверь в комнату Теодора. С облегчением он увидел, что тот мирно спит в своей постели. Его любимый сын, который тяжело дышал, даже не проснулся, когда он нежно поцеловал его в лоб и снова накрыл одеялом. Он был реальным доказательством того, что Матильда, эта ее Грета и даже его сон были не правы. Никто в их семье не должен умереть.

Или сон был вовсе не про Теодора, а про что-то совсем другое?

Он попытался припомнить ход событий из сна и вскоре понял, что все было перепутано. Жертва за прилавком с мясными полуфабрикатами была в реальности Леннартом Андерссоном, а не как во сне – педофилом Ассаром Сканосом. Им удалось арестовать его за убийство в прачечной мальчика Мунифа Ганема. Мунифа, а не Теодора.

Все люди во сне были не на своих местах. Все было перепутано.

Именно об этом и говорил тот тонкий девичий голосок, который принадлежал Матильде.

Все, что вы знаете, ошибочно...

И только сейчас он наконец понял почему.

Было без четверти шесть утра, когда Фабиан вошел в конференц-зал на верхнем этаже полицейского управления Хельсингборга. Через несколько часов весь отдел должен был собраться здесь, чтобы услышать доклад Утеса, который уже несколько дней занимался просмотром записей с камер наблюдения из «Ика Макси», анализируя записи, сделанные за неделю до убийства Леннарта Андерссона. В течение нескольких дней он просматривал все полученные материалы, и все коллеги на самом деле надеялись, что это приведет к некоторому прорыву в расследовании, в котором до сегодняшнего дня так и не появилось ни одного подозреваемого, ни каких бы то ни было реальных зацепок.

Но Фабиан был здесь не поэтому. Все дело в том, что он хотел подумать в одиночку, без команды. Какого бы мнения он ни был о снах и бессознательном, последний сон весьма четко отобразил то чувство, которое давно не покидало его. Он, однако, делал все, чтобы отмахнуться от него, и единственная компания, в которой он нуждался прямо сейчас, — это стены кабинета с кучей пометок и фотографий на белых маркерных досках.

Он встал прямо перед ними и отметил для себя, что все осталось там, где и было. Хотя два расследования были практически завершены, стены все еще были заполнены фотогра-

фиями жертв, мест преступлений и преступников. Списки мотивов преступлений соседствовали с разными заметками и идеями, одни были перечеркнуты, другие – обведены, и везде большое количество стрелок разных цветов, которые связывали все воедино.

С близкого расстояния можно было проследить за ходом размышлений, которые казались вполне логичными. Но издалека все это скорее походило на один большой хаос, который сейчас, казалось, прекрасно иллюстрировал то, как выглядела их работа в последние недели.

Они занимались сразу тремя крупными расследованиями. Три параллельных случая убийств, где вообще ничего не совпадало. Три абсолютно разные вселенные, каждая со своими жертвами и подозреваемыми, уликами и зацепками, а также местами преступлений, которые нужно было проанализировать, теориями, которые нужно было рассмотреть со всех сторон, отвергнуть и одобрить заново.

Он понятия не имел, сколько допросов они провели за последнюю неделю и сколько записей с камер наблюдения просмотрели, старясь уловить мельчайшие детали. Но совершенно точно работы было проделано много, и, хотя наверняка было что-то, что они упустили, тем не менее расследования были проведены по всем правилам, и в конце концов им удалось арестовать двух преступников, которые будут осуждены и получают должное наказание.

Но, по правде говоря, они все время пытались нащупать

что-то, что могло объяснить разные события, и как бы неприятно это ни было, надо признать, что они все еще блуждали в поисках правильных ответов на свои вопросы.

Как и нашептывал хрупкий девичий голос в его сне: все, что они знали, было ошибочно.

Не было никаких сомнений в том, что предприниматель Эрик Якобсен был виновен в установке скрытых камер в квартирах разных женщин, одной из которых была Молли Вессман. Также не вызывало сомнений то, что его альтер эго Колумб занимался с ней сексом и сделал ей татуировку со своим символом между ног. Все это он признал. Но отравил ли он ее рицином – этот вопрос оставался без ответа, ни объяснений, ни доказательств у них не было. Не говоря уже о каком-нибудь логичном мотиве.

То же самое можно было сказать и об Ассаре Сканосе. Никто не сомневался в том, что он педофил, который пожертвовал бы всеми пальцами левой руки, чтобы без помех осуществить изнасилование шестилетней Эстер Ландгрэн. Но педофилия ни в коем случае не была достаточным объяснением того, зачем ему понадобилось запихивать сирийского мальчика Мунифа Ганема в большую стиральную машину и включать программу полоскания, что привело к смерти ребенка.

То же самое и с Леннартом Андерссоном. Может быть, что-то изменится после доклада Утеса, но до нынешнего момента им не удалось найти правдоподобного объяснения, по-

чему какой-то мужчина заколол его насмерть прямо перед кучей свидетелей в «Ика Макси».

И так как эти убийства произошли с разницей всего в несколько дней, то они усиленно искали мотив, который мог бы связать все три случая, некий общий знаменатель, красную нить.

Когда это им не удалось, они переключились на поиск трех отдельных мотивов. Они рассматривали все: от ксенофобии до сексуальной зависимости, и снова и снова прокручивали в головах все эти варианты, порой искажая до неузнаваемости, лишь бы они могли хоть как-то соотноситься с найденными уликами.

Мотив, мотив и еще раз мотив. Это было единственным, вокруг чего постоянно разворачивались дискуссии в отделе. Казалось, что именно мотив – это ключ, который откроет все двери. Как только им удастся понять его, то сразу окажется, что и преступник где-то недалеко.

Фабиан взял стул, сел прямо перед маркерными досками и попытался сформулировать мысль, хотя пока ничего не получалось. Мысль, которая шла вразрез со всем, во что верил и он, и его коллеги. Вразрез всему опыту, накопленному ими за годы работы следователями. Но чем дольше он смотрел на хаос из записок и фотографий на доске, тем очевиднее становилось то, что пришло ему в голову.

Еще через мгновение хаос перед ним исчез. Как будто его и не было, Фабиан вдруг увидел все очень ясно. География

и ось времени – одно дело. Все происходило в северо-западном Сcone в течение относительно ограниченного периода времени. То, что он увидел перед собой теперь, было нечто совершенно иное.

Сходство в различиях.

Каждое из убийств в трех расследованиях было настолько впечатляющим и не похожим ни на что другое, что, возможно, в этих абсолютных различиях и существовал общий знаменатель. Эта мысль пыталась ускользнуть от него, но уже через минуту он почувствовал, что нащупал наконец ту красную нить, которую они так долго искали.

– Так, так, так. Кто это у нас здесь сидит в такую рань? – Это был Утес, который вошел в кабинет с термосом кофе в одной руке и ноутбуком в другой. – Не каждый день увидишь тебя здесь так рано. – Он убрал термос. – Сейчас ведь не больше двадцати минут седьмого.

– Ты же знаешь, как это бывает летом, – Фабиан пожал плечами. Он не мог все рассказать. Не сейчас. – Я проснулся оттого, что было светло за окном, и больше не смог заснуть.

Утес кивнул, но его взгляд, который он переводил с маркерной доски на стул, на котором сидел Фабиан, выдавал тот факт, что он не полностью сосредоточен на заметках на стене. – И ты пришел сюда, выбрал из всех вариантов именно это место. Интересненько.

– Ничего лучше мне в голову не пришло. – Ему нужно было больше времени, чтобы поразмышлять, и прежде всего

нужно было придумать более логичное объяснение, чем то, что его дочь во время сеанса сумела вызвать духа, который проник в его сны и помог осознать то, что никак не давалось до этого. – А ты? Я не знал, что ты так рано встаешь и такой бодрый по утрам!

– Значит, ты плохо меня знаешь. В отличие от Берит, я стал просыпаться все раньше и раньше. Когда она только встает с постели в выходные, я уже готов лечь спать. Вот почему мы до сих пор женаты. – Утес рассмеялся и открыл ноутбук. – А сегодня я просто хочу успеть все сделать вовремя, а также убедиться, что техника работает должным образом перед докладом на утреннем совещании.

– Верно, ты же просматривал записи с камер наблюдения. Утес кивнул:

– И должен сказать, я нашел кое-что интересное. Но подробнее я объясню все только тогда, когда все соберутся. Лучше расскажи мне, чем ты занят.

– Извини?

– Фабиан, ты сидишь, уставившись на заметки и фотографии, которые относятся к расследованиям, два из которых уже практически закончены.

– Но не третье. В нем у нас даже нет подозреваемого.

Утес вздохнул и покачал головой.

– Ну да, ну да, раз не хочешь рассказывать, то... – не успел он договорить, как зазвонил его сотовый. Он посмотрел на телефон, поморщив лоб. – Да, это Утес. Сверкер Хольм, все

верно.

Но не последовавшие короткие фразы коллеги заставили Фабиана понять, что произошло что-то серьезное.

– Понял... О'кей... Мы идем.

Это был цвет лица Утеса: за каких-то несколько секунд оно стало абсолютно белым.

Далеко не в первый раз Фабиан почувствовал сладкий запах разложившегося тела. Не одно лето проработав полицейским в Стокгольме, он выезжал на звонки людей, которые обращались в Центр экстренного реагирования, почувствовав трупный запах в одной из квартир соседей в своем подъезде. Здесь же он скорее среагировал на то, насколько слабым был запах. Особенно учитывая, что большинство фактов указывало на то, что Эверт Йонссон пролежал здесь больше месяца.

То, что сейчас был один из самых теплых месяцев в году, не делало ситуацию менее странной. Вонь должна была быть настолько сильной, что соседи вызвали бы полицию по меньшей мере две недели назад. Но до сегодняшнего дня этого не произошло, к тому же причиной звонка в полицию был вовсе не запах, а конверт, адресованный Эверту Йонссону из «Сидкрафта», который один из его соседей нашел на полу в своей прихожей, когда забирал утренние газеты.

На твоём месте я бы заглянул в квартиру к соседу Йонссону – было написано от руки прямо на конверте. После этого я, возможно, даже взял бы телефон и позвонил в полицию.

Объяснение тому, почему запах был таким слабым, нашлось в тот момент, когда он и Утес вошли в гостиную и

увидели прямо на полу двухметровый цилиндрический полиэтиленовый кокон.

Утес замер как вкопанный на полпути в комнату и, казалось, был не способен ни на что, кроме как стоять неподвижно и качать головой. Поэтому Фабиан сам подошел к темно-зеленой палатке и сел на корточки, пытаясь разглядеть, что находится внутри. Но несмотря на то, что солнце поднялось достаточно высоко и светило через окно прямо на странную конструкцию, сквозь полиэтилен все равно ничего не было видно.

Он повернулся к Утесу, который, по-видимому, прочитал его мысли. Тот протянул Фабиану швейцарский армейский нож, и с его помощью он проделал дыру в полиэтилене.

Хотя дыра была относительно небольшой, едкая вонь ударила в нос с такой силой, что он чисто инстинктивно попятился в попытке не вдохнуть ужаснейший запах. Но было уже слишком поздно. В течение нескольких секунд воздух в комнате настолько быстро наполнился зловонием, что ему повезло, что он не успел позавтракать сегодня утром.

Утес, который догадался надеть респиратор, кинул ему еще один, и хотя все равно воняло просто ужасно и безумно чесался нос, респиратор смог хоть немного подавить эту вонь.

Около пятидесяти белых трупных червей уже выползли через дырку и упали на пол комнаты, где теперь расползлись в разные стороны в поисках пищи. Непонятно было, как они

могли появиться в, казалось бы, герметично закрытом полиэтиленовом коконе. Бактерии, конечно, существовали везде, но такие черви появлялись только тогда, когда падальные мухи находили дорогу к трупу откуда-то извне и могли отложить яйца, а пока что он не видел и не слышал ни одной мухи, хотя всего через несколько минут они наверняка прилетят сюда в большом количестве.

Он наклонился вперед и заглянул в отверстие в мешке, но не увидел ничего, кроме голеней и ступней, которые все были в чем-то зеленом, красном и фиолетовом. В некоторых местах процесс разложения зашел так далеко, что кожа полностью почернела. На внутренней стороне стенок конструкции росло что-то зеленовато-коричневое, а на дне скопилось столько влаги и жидкости от трупа, что образовалась коричневая вязкая лужа.

– Рассказывай, – сказал Утес. – Что ты там видишь?

– Не намного больше, чем ты мог предположить. Эверт Йонссон это или нет – говорить пока рано, но здесь совершенно точно чей-то труп. – Фабиан воткнул нож в зияющую дыру и сделал метровый надрез, после чего большой кусок полиэтилена сполз вниз и образовалась большая дыра в коконе, в которую возможно было заглянуть.

Утес сделал шаг вперед, присел на корточки и посмотрел на тело, лежащее на спине с ногами, руками и шеей, привязанными к тяжелой железной трубе, которая, как длинная ступица, проходила через весь кокон и на каждом конце была

прикреплена к чему-то, похожему на велосипедное колесо.

– О нет, только не сейчас. – Утес покачал головой. – Неужели еще один случай?! Теперь, когда нам наконец удалось завершить два дела и мы можем направить всю энергию на расследование убийства в «Ике».

Те части тела, которые не были покрыты червями, все были темного цвета и в разной степени раздуты, к примеру, глазные яблоки или язык, который был настолько большим, что больше не мог поместиться во рту. Но хуже всего дела обстояли с животом, который был так натянут, что в любой момент, казалось, мог разорваться и выпустить наружу все свое содержимое.

– Если тебе непременно нужно кого-то убить, – продолжал Утес, который, казалось, не переставал качать головой. – Почему нельзя просто взять и застрелить или, например, зарезать, как в старые добрые времена? Почему, черт возьми, нужно делать это таким извращенным способом? Как этот, – он указал на запястье жертвы, где натяжной ремень стер большую часть кожи и обнажил кость. – Видишь, как отчаянно он, должно быть, пытался освободиться? – Он вздохнул. – Честно говоря, я не знаю, что и делать. Это еще одно расследование на наши плечи, мне кажется, мы этого не выдержим. И, похоже, оно будет не менее сложным, чем все остальные.

Фабиан кивнул, хотя и был убежден, что Утес совершенно точно ошибался. Никакого еще одного расследования не

будет. Наоборот, в этом убийстве, вероятно, имелась та же самая связь и та же красная нить, которая проходила через все три предыдущих дела.

Ирен Лилья достала соковыжималку из коробки с другими вещами и поставила на раковину рядом с сушилкой. Это было далеко не идеальное место. Но это был единственный кухонный прибор, которым она пользовалась каждый день, а другого свободного места с розеткой поблизости в этой квартире просто не существовало.

В каком-то смысле это касалось всего, что было связано с ее переездом от Хампуса из дома в Персторпе. Она понятия не имела, как разместить все вещи в маленькой двухкомнатной квартирке в Южном Хельсингборге. Несмотря на то, что она уже распаковала около пятнадцати коробок с вещами, их оставалось по меньшей мере столько же.

Но как-то же все должно было устроиться, и то, для чего не хватало места, она думала либо выбросить, либо оставить лежать прямо в коробках до тех пор, пока не сможет себе позволить жилье бóльшей площади. Ее радовало еще и то, что Хампус не получил вообще ничего из того, что принадлежало ей, даже совершенно отвратительные силиконовые варежки-прихватки с фламинго, которые ей достались от матери на Рождество, валялись в одной из куч с вещами.

К счастью, на помощь пришел Утес. Если бы не он, она никогда бы не справилась с переездом. Он ни разу не пожаловался, хотя весь процесс занял значительно больше време-

ни, чем она рассчитывала. Он спокойно и методично руководил работой и следил за тем, чтобы все вещи поместились в фургоне, к тому же привез прицеп, хотя она не просила об этом.

Когда они наконец подняли все коробки и занесли в квартиру всю мебель, она пригласила его в «Бар Сэма», который располагался на другой стороне улицы, где они заказали по бифштексу с беарнским соусом и по большому стакану крепкого пива. После этого она поднялась в квартиру, чтобы попытаться разобрать коробки, но вместо этого уже через полчаса уснула на кровати прямо посреди груды с одеждой.

Она проспала всю ночь и проснулась только в восемь утра, удивившись, что Хампус ни разу не позвонил после того, как вернулся с автомобильных гонок в Кнутсторпе. Она ожидала, что он бросится к телефону сразу, как только обнаружит, что не только она, но и все ее вещи пропали.

Что, как она поняла позже, в общем-то, и произошло. Потом она заметила, что телефон разряжен, и как только поставила его на зарядку и включила, то увидела, что он пытался дозвониться ей почти всю ночь. Двадцать два раза, если быть точной. Двадцать два голосовых сообщения, в которых он выплескивал все свое негодование по поводу того, какая она отвратительная.

Она заблокировала его и скоро позаботится о том, чтобы ее номер был изменен на анонимный. Хампус должен исчезнуть из ее жизни, а она – из его. Наконец-то она избавилась

от беспокойства, что он слишком много пьет. От всех этих ссор и грубых выражений. Наконец-то ей не нужно терпеть все это. Ей даже думать обо всем этом больше не стоит.

Единственный просчет с переездом заключался в том, что она так долго ждала. Потому что, даже несмотря на то, что прошло не больше суток с тех пор, как она переехала в город, время, проведенное с Хампусом, уже казалось далеким прошлым. То же самое касалось тех нацистов, которые ворвались в ее дом и нарисовали на стене свастику.

Это было похоже на совершенно другую жизнь, из которой она скоро не вспомнит ничего, кроме отдельных фрагментов. Как будто это вовсе не она сожгла дотла их клубный дом и грозила засадить каждого из них, если они посмеют даже просто посмотреть в ее сторону.

Еще один день, и она полностью поверит в усталые отписки полиции Персторпа, которая описывает произошедшее как внутренний конфликт в преступных кругах района.

Она взяла стакан с зубной щеткой и пошла в ванную, где поставила его на одну из полок в шкафу. В комнате пахло как-то по-другому. Не плохо, просто по-другому. Так бывает всегда, когда переезжаешь. К новым запахам и новым звукам нужно привыкнуть.

Она подписала договор на два года. Это долгий срок с учетом того, что квартира такая маленькая и к тому же находится в неподходящем районе города. Сёдерсити никогда ей не нравился. Но прямо сейчас это было куда лучше, чем Пер-

сторп, и, может быть, ей даже начнет нравиться этот район.

Она не так много знала о новых соседях, но они определенно были похожи на любых других. В соседней квартире жила пожилая женщина, она проходила мимо вчера, когда они с Утесом перетаскивали вещи из фургона. Она казалась милой, но, по-видимому, была глухой и ничего не слышала, когда слуховой аппарат не был включен, Утес узнал об этом, так как пытался заговорить с ней.

С другой стороны от ее квартиры жил *П. Милвох*. Она не знала, кто это. И все же было что-то знакомое в этой фамилии, на что она отреагировала еще в первый раз, когда Муландер определил местонахождение телефона Ассара Скано-са недалеко отсюда, и она делала обход домов в этом районе.

А вчера, когда оказалось, что и Утесу эта фамилия показалась знакомой, но он точно так же, как она, не мог понять, почему, все ее мысли снова пробудились к жизни, и с честолюбивым намерением раз и навсегда все выяснить она сегодня утром подошла к соседней двери и нажала на кнопку звонка.

Никто не подошел и не открыл ей, а так как изнутри дверь была занавешена тяжелой темной гардиной, она не смогла заглянуть внутрь через щель почтового ящика. Целых пять минут она стояла там, удерживая палец на маленькой кнопке, прежде чем наконец сдалась и отправилась дальше распаковывать вещи. Ведь именно для этого она взяла один день отпуска.

Но странный шум снова заставил ее призадуматься. Где-то невдалеке послышался звук смыва в туалете. Он был отчетливо слышен, но определить его местоположение было трудно. Она не слышала, чтобы вода лилась внутри стояка в углу, а это означало, что квартира этажом выше точно ни при чем. Кроме того, она вспомнила утверждения Муландера о том, что звуковые волны распространяются по дому вниз, а не вверх, поэтому она могла не брать в расчет квартиру этажом ниже.

Оставалась только квартира по соседству.

Та, на двери которой было написано: *П. Милвох*.

Она залезла в ванну, встала и прижалась ухом к стене с белой плиткой, граничащей с соседней квартирой. Но единственное, что она смогла услышать, – только свой пульс.

И только когда она осторожно потянула за маленькую цепочку внизу на стене, так, что выкрашенный в белый цвет ревизионный люк оказался открытым, пропали все сомнения. Она не только услышала, как лилась вода из крана в раковине соседней квартиры и как через несколько секунд кран скрипнул, когда его закрыли. Она к тому же смогла различить, как последние капли упали на дно раковины, прежде чем снова стало тихо.

Хотя «Халлберг Расси» была относительно большой парусной яхтой, очевидно, что она легко проплывет между другими лодками, которые находились в гавани Роо, и, минув вход в порт, она взяла курс против ветра. Грот на ней был поднят.

Фабиан поднес ладонь ко лбу, чтобы защититься от яркого солнца. Он стоял на северном причале метрах в тридцати от двигавшейся яхты и с интересом следил за ней. Тем временем был выбран шкот, после чего грот поймал ветер и бесшумно, почти волшебным образом взял на себя бортовую работу.

Он только что припарковался и вышел из машины, и вдруг заметил прекрасную парусную яхту, от которой теперь не мог оторвать глаз. Вчера поздно вечером он встретил ее владельцев, когда занимался поисками лодки Хуго Эльвина. Те сказали, что следующую остановку они планировали сделать в Хумлебеке, на датской стороне пролива, как только погода немного улучшится. После этого у них намечено ночное плавание до самого Гётеборга.

Это было похоже на знак, и в глубине души он принял решение порадовать детей и купить яхту, как только все немного успокоится в их жизни.

Он поднял картонную коробку с содержимым ящика сто-

ла Эльвина и направился в сторону брошенной старой деревянной яхты погибшего коллеги, которая лежала на причале в своей тележке. Пока что Хиллеви Стуббс не было видно, что было довольно странно.

Она почти никогда не опаздывала. Скорее наоборот, у нее была привычка появляться в условленном месте задолго до всех остальных. Не раз и не два во время их совместной работы в Стокгольме она демонстративно закатывала глаза, едва стрелки на часах успевали достичь нужного деления на часах.

С другой стороны, отсюда до полицейского участка в Мальмё час езды на машине, и она совершенно ясно дала понять, что у нее нет ни времени, ни желания приезжать, и единственная причина, по которой она все же делает это, — его личная просьба.

Со Стуббс было далеко не просто иметь дело, но это нужно было принимать как данность. Она была невероятно компетентным и, несомненно, одним из лучших в стране криминалистов, к тому же он так далеко зашел в расследовании, которое касалось его коллеги Ингвара Муландера, что больше не мог продолжать заниматься им в одиночку.

Ему нужен был кто-то, с кем можно было обсудить все детали, возможно, поспорить, но это должен быть кто-то не из отдела в Хельсингборге. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что он собрал достаточно неопровержимые доказательства, прежде чем раскроет все свои карты. Кроме того, все более

важным для него становилось сохранить результаты проделанной работы, чтобы все не пропало даром, если с ним что-то случится.

Не то чтобы он постоянно думал о том, что за ним кто-то следит, и боялся этого. Но в то же время Фабиан не мог закрыть глаза на то, что Муландер уже лишил жизни Эльвина, когда до него дошло, что коллега вот-вот разоблачит его.

С коробкой под мышкой он взобрался по лесенке, которая была приставлена к корпусу яхты, и вдруг увидел, что невысокая, коренастая Стуббс уже лежит в кокпите и наслаждается солнцем.

– Вот ты где, – сказал он, шагнув в лодку.

– А где же мне еще быть? Опаздывать, что ли? – сказала она, не открывая глаза.

– Нет, с чего бы это?

– Это почти такой же хороший вопрос, как «Что я здесь делаю?». – Она открыла глаза и села. – Да, я поняла, что это старая лодка Эльвина, – продолжила она, не давая Фабиану вставить и слово. – И я полностью отдаю себе отчет в том, что ты хочешь, чтобы я осмотрела ее точно так же, как осматривала его квартиру. Но почему я должна это делать?

– Я думаю, будет лучше, если ты увидишь все своими глазами. – Фабиан достал один из двух помеченных синим скотчем ключей, которые нашел в ящике стола Эльвина, и подошел к двери, ведущей вниз в каюту.

– Не расстраивайся, но я здесь не для того, чтобы что-то

увидеть. Не поэтому я взяла отгул и приехала сюда. Я сделала это для того, чтобы помочь тебе понять, что ты должен отпустить эту ситуацию. Поверь мне, в той квартире не было ничего, что указывало бы на то, что Эльвин не покончил с собой. По крайней мере, не больше, чем твои, мягко говоря, надуманные теории из разряда научной фантастики.

– Ну, на самом деле было. – Фабиан осторожно вставил ключ в замок и повернул его. – Но давай еще вернемся к этому.

– Ты что, не понимаешь? Нам не к чему возвращаться. У меня в Мальмё одна перестрелка за другой, мне есть чем заняться! И, если я не ошибаюсь, ваш отдел только что получил новое дело в Клиппане. А ты стоишь здесь, оплакивая бывшего коллегу, и хочешь, чтобы я осмотрела его лодку. – Она развела руками. – Ты же сам все понимаешь.

– Все верно. – Фабиан раздвинул две половины двери и спустился вниз в каюту. – Вот почему мы должны начать как можно скорее. У меня совещание в отделе через полтора часа.

Стуббс издала долгий протяжный вздох, прежде чем наконец спустилась в каюту.

– То, что ты упрямый как осел, я знала, еще работая с тобой в Стокгольме. Но ты хуже, чем ребенок, который вступает в подростко... – Она замолчала и начала оглядываться в тесной каюте, которая была завалена грудami папок, фотографий и блокнотов, помеченных банок и пакетов для улик,

а также разными устройствами с разноцветными кабелями. Она увидела компьютер с целой коллекцией внешних жестких дисков, микроскоп и много чего еще. Вещей было так много, что невозможно было двигаться, не натыкаясь на что-нибудь.

Фабиан повернул выключатель, и несколько маленьких лампочек осветили доску с прикрепленными к ней фотографиями и заметками, а также стопки документов у компьютера. Это была именно та реакция, которую он надеялся увидеть, и в течение нескольких минут он не отвлекал ее, давая тем самым возможность оглядеться вокруг и осознать увиденное, прежде чем она наконец повернулась к нему.

– О'кей. Я готова тебя выслушать. – Она сняла стопку книг с одного из диванов и села.

Фабиан освободил место на столике перед ней и разложил несколько черно-белых фотографий женщины в летнем платье, которая шла в сторону машины, а потом села на пассажирское сиденье «Сааба».

– До лета две тысячи седьмого года у Муландера были отношения с этой женщиной. Ее звали Инга Дальберг, она жила в соседнем с ним доме. Но уже за год до этого его тесть Эйнар Стенсон начал что-то подозревать и даже зашел настолько далеко, что тайно сфотографировал их, как ты можешь здесь видеть.

Стуббс изучала снимки, пока Фабиан доставал отчет об осмотре места преступления.

«21 апреля 2007 года Стенсон умер на кухне у себя дома в небольшом поселке у Рингшестранда. Полиция Эслёва истолковала произошедшее как несчастный случай. По их версии, мужчина поскользнулся на недавно отполированном полу и упал прямо на раскрытую посудомоечную машину, где из корзинки для столовых приборов торчал нож. Но если верить Эльвину и его записям, то это вовсе не был просто несчастный случай, и после того, как я сам изучил этот вопрос, я готов с ним согласиться. Четыре месяца спустя Инга Дальберг была убита, случай известен как “убийство на острове Вен”».

– Это она была привинчена к поддону, и ее тело проделало весь путь от Роона до Вена?

Фабиан кивнул.

– Я думала, что за это убийство был осужден кто-то другой.

– Ты говоришь о датском насильнике Бенни Виллумсене, который в то время действовал здесь, на шведской стороне. Такой изощренный способ убийства настолько сильно напоминал его методы, что, когда его наконец арестовали, ему предъявили обвинение еще и в этом убийстве. Проблема заключалась в том, что у Виллумсена было алиби, и поэтому он был полностью оправдан.

– Ладно, значит, он убивает своего тестя, чтобы сохранить в тайне отношения с любовницей, здесь все логично. Но зачем ее-то убивать?

Фабиан пожал плечами:

– Может, ей надоело все время прятаться, и она пригрозила рассказать об их отношениях, если Ингвар не уйдет от Гертруды.

– Гертруда? Это его жена?

– Да, и тогда, по идее, он должен был успокоиться. Проблема, можно сказать, решена. Но три года спустя, летом две тысячи десятого, он снова наносит удар. Я тогда только переехал в Хельсингборг и подключился к расследованию, в котором жертвами были мои одноклассники из начальной школы.

– Да, я слышала об этом. Должно быть, это было ужасно.

Фабиан кивнул и немного помолчал, прежде чем продолжить.

– Дело в том, что покушение на Ингелу Плугхед, которая тоже училась в моем классе, отличалось от других.

– Каким образом?

– Ничего особенного, но достаточно, чтобы я обратил на это внимание. Ее похитили и подвергли гистерэктомии, в ходе которой ей удалили матку. Этот случай тоже был довольно схож с другими убийствами. Если бы не тот факт, что перед операцией ее изнасиловали, чего не случилось ни с кем из остальных жертв.

– А что думали остальные сотрудники вашего отдела?

– Никто из них не выразил согласия с тем, что я говорил, и уж тем более Муландер, по вполне объяснимым причинам.

И как только преступник был опознан и обезврежен, все это кануло в Лету. По крайней мере, я так думал. На самом деле Хуго Эльвин уже стал подозревать своего коллегу и начал собственное расследование, результаты которого мы видим здесь и которое в конечном итоге привело к его смерти.

– И все это ты можешь подкрепить неопровержимыми доказательствами?

– Я исхожу из того, что все необходимое уже есть здесь. – Фабиан развел руками. – И я надеюсь, что ты захочешь помочь мне просмотреть все это.

Стуббс огляделась:

– Да, здесь действительно много разной информации. Но ведь не факт, что среди всего этого есть неопровержимые доказательства. Если бы это было так, то Эльвин сам уже обнародовал бы их.

– Может быть, он просто не успел.

– А что говорит о том, что у Муландера нет алиби? Точно так же, как у этого Виллумсена. Я имею в виду, что тогда вся твоя теория потерпит крах.

– На самом деле у него есть алиби в случае с убийством Инги Дальберг. В тот самый уик-энд он праздновал день свадьбы с Гертрудой в Берлине. Но посмотри сюда. – Фабиан достал папку с надписью «Берлин» и показал распечатку двух посадочных талонов. – Они доказывают, что он вылетал из Берлина и возвращался обратно и в таком случае имел достаточно времени, чтобы совершить убийство.

– Все это хорошо, но вопрос в том, достаточно ли этого? Давай я сыграю роль «адвоката дьявола»: может быть, это вовсе не Муландер купил билеты. Может быть, кто-то просто хотел подставить его. Но давай предположим, что это действительно был он. Что он даже зашел так далеко, что зарегистрировался на эти рейсы. Это вовсе не значит, что он действительно поднимался на борт самолета. И даже если он это сделал, возможно, поводом было совсем не убийство Инги Дальберг.

– Совершенно верно, ты права. Нельзя назвать эти данные неоспоримыми. Но я полностью убежден, что с твоей помощью найду более чем достаточно, чтобы он получил пожизненный срок. Возьмем хотя бы вот это. – Фабиан взял в руки прозрачную фигурку высотой в несколько сантиметров, похожую на сову. – Она очень похожа на стеклянные фигурки сов, которые коллекционирует его жена Гертруда. Но эта сделана из пластмассы, а в ноге у нее Эльвин освободил место для маленького микрофона вместе с передатчиком и батареей.

– Я и не знала, что он так хорошо разбирается в технике.

– Я тоже. Вероятно, позаимствовал идею у самого Муландера. Тот использует точно такое же программное обеспечение для обработки звука.

Фабиан подошел к компьютеру, включил его и нашел в длинном списке аудиофайлов нужный ему.

– Вот эта запись была сделана вчера вечером в двадцать

три сорок девять, как раз когда я случайно оказался здесь.

Он нажал на треугольный символ, после чего по экрану начал ползти флажок.

— *Но подожди-ка, о чем вы говорили? — послышался голос Муландера. — Гертруда, подожди, я сказал!*

— *Ингвар, ты меня напугал.*

— *Я хочу знать, о чем вы говорили!*

— *Тебе нужно успокоиться.*

— *Я спокоен! Я просто должен знать...*

— *Нет, совсем не спокоен! Кроме того, уже поздно. Поговорим об этом в другой раз, потому что сейчас я собираюсь лечь спать в комнате для гостей. И я буду очень признательна, если ты оставишь меня в покое.*

— *Я оставляю тебя в покое после того, как ты расскажешь мне, какого черта здесь делал Фабиан Риск!*

Было слышно, как Гертруда вздохнула.

— *Если тебе непременно нужно все знать, то я готова рассказать: он был здесь, потому что я попросила его прийти. И я сделала это потому, что вместе мы должны были попытаться придумать, какой сюрприз приготовить для тебя на работе этой зимой, когда у тебя будет день рождения. Да, чего ты удивляешься? Тебе же исполняется шестьдесят. И, как ты знаешь, я все люблю делать заранее, так что я на самом деле уже начала планировать большую вечеринку со всеми твоими друзьями и коллегами. Но, к сожалению, теперь сюрпризом это уже не будет. Теперь ты все*

знаешь. А сейчас я собираюсь поспать, спокойной ночи!

Было слышно, как Муландер захлопал в ладоши. Сначала один хлопок, потом еще один, а затем последовали громкие продолжительные аплодисменты.

– Ух ты! Какое представление. Какая игра! Я почти поверил тебе!

– Что ты имеешь в виду? Ингвар, что...

– Ты лжешь! Думаешь, я не вижу, что ты лжешь? Я хочу знать правду, и прежде чем я ее услышу, ты никуда не уйдешь!

– О какой правде ты говоришь? Правде о нашем путешествии в Берлин в годовщину свадьбы? О ней?

– Не понимаю, при чем тут наше путешествие в годовщину свадьбы?

– Не понимаешь? Ты точно в этом уверен?

– Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь, и если ты думаешь, что можешь уйти от ответа, просто сменив тему разговора, то...

– Ингвар, я не понимаю, чего ты от меня хочешь, – голос Гертруды дрогнул. *– Но я знаю одно. Если здесь и есть кто-то, кто скрывает правду, то это ты. Было слышно, как она разрыдалась. – О боже, и я замужем за таким...*

– Гертруда, подожди-ка. – Голос Муландера был слышен все хуже. *– Гертруда, не уходи! Ты не уйдешь, пока мы не договорим!*

Послышался звук закрываемой двери. После этого стало

тихо.

Фабиан оторвал взгляд от компьютера и стал ждать реакции Стуббс.

– Ты убедился, что с ней все в порядке?

– Я звонил несколько раз сегодня утром и в итоге получил только короткое сообщение, в котором она просит меня оставить ее в покое и говорит, что будет лучше, если я свяжусь с Ингваром, если у меня еще остались вопросы.

– Она боится, что, в общем-то, не так уж странно. Самое простое решение для нее сейчас – как страус спрятать голову в песок и сделать вид, что ничего не произошло.

Фабиан кивнул.

– Но есть кое-что поважнее, – продолжила Стуббс, поворачиваясь к Фабиану. – Я лежала и дремала здесь, и, может быть, мне показалось, но за несколько минут до твоего прихода здесь остановилась машина. Может же быть, что это был не ты?

– Ну, наверное.

– Значит, ты подъехал прямо к яхте?

– Да. Почему ты спрашиваешь?

Стуббс закатила глаза и покачала головой. Уже через секунду она была на пути к выходу, и, прежде чем Фабиан поднялся в кокпит, она уже спустилась на землю и бежала к его машине, которая была припаркована примерно в пятнадцати метрах от лодки.

Он уже собирался окликнуть ее и спросить, что она дела-

ет, но в тот же миг понял, в чем дело, и поспешил покинуть яхту. Внезапно он осознал роковую ошибку, которую только что совершил, с такой ясностью, что стало больно.

Как давно?

Вопрос эхом отозвался у него в голове, пока он шел к машине, а подойдя к ней, он увидел Стуббс, лежащую на спине прямо на земле. Она осматривала заднюю часть его машины. Какое-то смутное предчувствие не покидало его все последние дни, а теперь оно стало настолько сильным, словно приближающаяся буря. И тем не менее эта вполне очевидная мысль даже не пришла ему в голову.

Он не мог сказать, как долго ждал, пока Стуббс наконец закончит. Она довольно быстро поднялась с земли.

– Как я и подозревала, – коротко ответила она.

Каждое из ее слов было словно ударом по лицу. Четыре пощечины подряд.

Она протянула черную маленькую шайбу в полиэтиленовом пакете.

– Честно говоря, я не понимаю, о чем ты думал.

Он посмотрел на трекер с питанием от батарейки, который лежал у ее на ладони, и вопрос, который эхом отдавался внутри него с тех пор, как она покинула лодку и поспешила к машине, теперь как нельзя ясно возник у него в голове.

Как давно?

Как долго трекер был здесь?

Как долго Муландер знает обо всем?

Он рассматривал фотографию недавно подстриженного белого пуделя, сидевшего на задних лапах и смотревшего прямо в камеру своими черными глазками. Пес слегка наклонил голову в сторону. В соответствии с тем, что было написано в инструкции на сайте хозяина собаки, она была изображена перед сплошным фоном.

Не то чтобы он что-то имел против собак, просто именно пуделей не любил больше всех остальных. Они будто не предназначались ни для чего другого, кроме как для того, чтобы идти рядом с хозяином и быть таким миленьким пушистым созданием, и даже с этой задачей такие собаки справлялись откровенно плохо. Тем не менее фотографии собак именно этой породы он получал чаще всего. Портретные фотографии, из которых он вырезал собаку и накладывал ее на один из всех тех фонов, которые можно было выбрать у него на сайте.

Он брал за это четыре тысячи. А если хозяин собаки к тому же хотел получить фотографию в распечатанном виде и вставленной в золотую рамку, то ему или ей приходилось раскошелиться еще как минимум на полторы тысячи, в зависимости от размера снимка. Поэтому он не жаловался. В общем-то, ему не на что было жаловаться.

С тех пор как он пять недель и один день назад впервые

бросил кости, его жизнь стала одним длинным увлекательным путешествием с множеством ярких событий, и это было именно тем, чего он хотел долгие годы. Каждую миссию, которую ему поручали кости, он выполнял, используя все свои способности, и, несмотря на то, что некоторые из них были на грани невозможного, он выполнил и их.

Иногда он думал, что кости ошиблись, что они хотят слишком многого, усложняют все совершенно напрасно, или считал, что они слишком злые и несправедливые.

Но теперь он ясно видел, что они были правы абсолютно каждый раз. Если бы не все те выпавшие десятки, которые требовали дополнительных заданий, полиция, безусловно, продвинулась бы гораздо дальше в своем расследовании. Возможно, его даже уже арестовали бы.

Его единственной неудачей оказалась шестилетняя девочка Эстер Ландгрэн. Ее нужно было утопить, а она все еще была жива. Проблема заключалась в том, что кости приказали ему позволить другому человеку выполнить миссию. Если бы это дело доверили ему самому, то у родителей девочки сейчас бы вовсе шли приготовления к похоронам.

В тот раз он нашел идеальную кандидатуру в лице педофила Ассара Сканоса, который в то время находился в розыске. Ему невероятно повезло, Его Величество Случай был на его стороне, и он умудрился разыскать педофила раньше полиции. Все шло по его плану.

Но внезапно все покатилося под откос. Кроме всего про-

чего, та женщина-полицейский, Ирен Лилья, которая вызывала его на допрос, внезапно оказалась перед дверью его квартиры. Она звонила в тот самый момент, когда Сканос, который лежал в его кровати со связанными за спиной руками, слушал «свои» голоса.

Он не мог понять, как им удалось найти его, но после того, как проанализировал все свои поступки и вспомнил все, что говорил и не говорил во время того допроса, пришел к выводу, что единственным разумным объяснением может быть только мобильный Сканоса.

Он не думал о нем до того момента, когда стал помогать Ассару выбраться из машины у двери подъезда. Тогда аккумулятор был практически разряжен, но, видимо, полиции этого хватило, чтобы отследить последнее местонахождение телефона.

В тот раз он решил убедиться, что мобильный телефон заряжен и включен, как только он отправит Сканоса на задание. Идея состояла в том, что полиция снова определит его местонахождение и на этот раз даже сможет найти и арестовать его. Но только когда он покончит с девочкой. И не во время акта. Откуда он мог знать, что этому придурку педофилу понадобится больше двух часов, чтобы осуществить задуманное?

Несмотря ни на что, это был его просчет, поражение, которое раздражало, как камешек, попавший в ботинок, и в последние несколько дней он не мог избавиться от мысли о

том, что надо все исправить. В его системе не существовало какого-то правила, которое говорило бы, что он может просто так постфактум вмешаться и все исправить. Более того, это была в принципе даже и не его миссия, в этом ведь и заключался весь смысл дополнительных заданий из «Книги Х».

С другой стороны, можно было бы спросить кости и посмотреть, что они об этом думают? В конце концов, ведь именно они принимали решения, и, возможно, они согласятся с ним в том, что нужно что-то сделать, прежде чем двигаться дальше.

Он попытался думать о чем-то другом и продолжил обработку фотографии пуделя. Его хозяин решил, что пес будет сидеть перед Версальским дворцом. Но как только снимок был обработан и отправлен владельцу собаки, его мысли снова начали вертеться вокруг незаконченной миссии, и в конце концов он понял, что есть только один способ заставить их замолчать, после чего достал свою коллекцию шестигранных кубиков из анодированного алюминия.

Он выбрал один из них, чтобы получить ответ на вопрос, стоит ли вообще дальше заниматься всем этим. Единица, двойка или тройка будут означать «да», а четверка, пятерка или шестерка – «нет». Хорошенько встряхнув кости, он бросил их на зеленое покрывало.

Двойка.

Другими словами, кубик хотел, чтобы спросили его сове-

та. Поэтому он поднял его, начал трясти с закрытыми глазами и наконец выпустил из рук. Оставалось только открыть глаза и посмотреть, что получилось: «да» или «нет». *Только и всего*, – подумал он и не стал открывать глаза. В то же время для Эстер Ландгрэн на карту было поставлено ее детство и большая часть жизни.

Он уже собирался открыть глаза, как внезапно тревожный звук дверного звонка разнесся по квартире и достиг его ушей. Почти никогда не случалось, чтобы кто-то звонил в дверь его квартиры, и даже несмотря на то, что он мог просто проигнорировать это и продолжать делать свои дела, настроение было безнадежно испорчено.

Все же, чтобы насладиться игрой костей, ему требовались тишина и покой. Если нужно было спешить с чем-то, то исчезал весь правильный настрой. Он встал, прошел через спальню и дальше в прихожую, где громко и настойчиво звенел дверной звонок.

Осторожным движением он взглянул на портьеру, висевшую перед дверью, и, убедившись, что звонивший не открыл щель почтового ящика и не смотрит через нее в квартиру, встал между портьерой и дверью и посмотрел в глазок.

Подозрения закрались у него еще в тот момент, когда он услышал звук дверного звонка. Возможно, именно поэтому он не смог просто продолжать кидать кости. Теперь его подозрения получили подтверждение, но от этого легче ему не стало.

Это снова была чертова женщина-полицейский Ирен Лилля. Уже второй раз за сегодняшний день она стояла перед дверью и звонила в квартиру, как будто и не думала сдаваться, пока он не откроет. Он не мог понять, как она нашла его. Хорошо, она была здесь однажды в поисках Сканоса. Но они же арестовали его несколько дней назад.

Все это было чрезвычайно странно. Если у полиции имелись хоть малейшие подозрения на его счет, тогда они должны были послать большую оперативную группу, а не одного полицейского в гражданском.

После ее последнего визита он даже думал вовсе отключить дверной звонок, но это доказывало бы, что он действительно находится в квартире, и тем самым он мог только подогреть интерес этой женщины. Вместо этого он вышел из прихожей, лег на диван и стал ждать, пока она снова не устанет и не сдастся. Если она продолжит его терроризировать, то ему придется принять какие-то меры.

Через семь минут в квартире снова воцарилась тишина, и как только к нему вернулось чувство спокойствия, он встал с дивана и вернулся к костям.

Кубик лежал на покрывале. Он вынес свой приговор.

Единица.

Он рассмеялся и вытер пот со лба. Кости дали ему добро, ответили «да». Наконец-то кости с ним заодно. Наконец-то ошибка будет исправлена, а порядок восстановлен.

Наконец-то.

Фабиан сидел в одиночестве в конференц-зале и пытался успокоиться до прихода всех остальных, но это было легче сказать, чем сделать. Трекер, найденный Стуббс под его машиной, обозначал прямую угрозу в его адрес.

Теперь не стоял вопрос, знает ли Муландер о том, что Фабиан ведет собственное расследование, и подозревает ли его. Теперь вопрос был только в том, какие контрмеры планировал принять коллега, когда и как он намеревался нанести удар, и было ли у Фабиана достаточно времени, чтобы найти неопровержимые доказательства.

Его первой реакцией, когда он увидел маленький черный трекер, было бросить его на землю и растоптать. Но Стуббс помешала ему, она утверждала, что это самое худшее, что он может сделать.

Муландер не только сразу поймет, что его устройство обнаружили. Он также сможет точно определить, где сигнал был прерван, что в худшем случае заставит его приехать туда.

Она приводила один аргумент за другим и наконец сумела убедить его в том, что лучшее, что он может сделать, это снова включить передатчик и продолжать пользоваться машиной, как будто ничего и не произошло. Их единственным преимуществом сейчас было то, что Муландер убежден: они

не знают, что он следит за Фабианом.

В том случае, если он использовал еще и триангуляцию для определения местоположения мобильного телефона Фабиана, они договорились как можно скорее купить себе по новой сим-карте. Кроме того, им надо было передвинуть лодку Эльвина, а так как у Стуббс был большой старый джип с буксиром, то она предложила отвезти лодку к своей подруге Моне-Джилл в Харлёса к востоку от Лунда.

– О, ты уже здесь? – спросила Астрид Тувессон, входя в комнату с солнцезащитными очками на голове и чашкой кофе в руке. Она выглядела отдохнувшей и бодрой. Особенно если учесть, что у нее явно был рецидив и она была сильно пьяна, когда он пытался позвонить ей вчера поздно вечером, чтобы рассказать о Муландере.

– Да, я хотел прийти сюда вовремя. Мне нужно будет уехать в три часа.

– Да? Что-то случилось?

– Мы с Теодором поедem к датскому прокурору.

– Точно, я совсем забыла об этом. Надеюсь, все пройдет хорошо, и если я могу что-нибудь сделать, то не стесняйся, дай мне знать. Договорились?

Фабиан кивнул.

– Кроме того, Лилья взяла на сегодня отгул, так что посмотрим, как пойдут дела. – Она допила кофе и отодвинула подальше чашку. – Насколько я понимаю, это убийство в Клиппане не похоже ни на какие другие. – Она покачала го-

ловой. — А я уже стала надеяться, что скоро у нас наконец-то будет передышка. Если бы я знала, что все будет именно так, то ни Лилья, ни ты не получили бы отгулы. Кстати, есть еще одно дело, пока мы здесь одни. — Она закрыла дверь и повернулась к нему. — Мы говорили с тобой по телефону вчера поздно вечером? Потому что я смутно помню, что ты звонил и разбудил меня.

Фабиан задумался, как бы ему ответить, прежде чем понял, что уже покачал головой.

— Насколько я знаю, нет, — ответил он и пожал плечами. — Зачем бы я стал тебе звонить?

— Это именно то, о чем я тоже подумала.

— Может, тебе просто приснилось?

— Приснилось?

— Ты же сказала, что я тебя разбудил. Может, это просто был сон.

— Да, возможно. — Тувессон посмотрела на него так, словно до конца не поверила его словам. — Или есть совсем другое объяснение. То, что ты на самом деле...

Ее прервал звук открывшейся двери, и в комнату вошли Утес и Ингвар Муландер.

— Ух ты, вы уже здесь. — Утес положил ноутбук на стол. — Тогда, может быть, у нас даже хватит времени для моего обзора записей с камер наблюдения из «Ики».

— Давайте начнем с убийства в Клиппане, и посмотрим, сколько будет времени, когда мы закончим. Фабиан должен

уехать в три часа, так что нам придется подождать с твоими записями до завтра.

Утес вздохнул и покачал головой.

– К чему такая спешка? – Вопрос Муландера остался почти без внимания, а для Тувессон и Утеса, которые ничего не знали, он был, очевидно, совершенно безобидным.

– Да, ты можешь вздохнуть сколько хочешь, – продолжала Тувессон. – Но завтрашний день на самом деле подходит гораздо лучше, потому что тогда Лилья тоже будет на месте.

На самом деле это была отравленная стрела, которая пролетела через всю комнату.

– Я иду на встречу вместе с сыном, – ответил Фабиан и не смог удержаться, чтобы не добавить: – А что?

– О, мы сегодня все в хорошем настроении, – с улыбкой продолжал Муландер.

– Ингвар, я думаю, ты не имеешь отношения к этому вопросу Фабиана, – сказала Тувессон.

– Ну, может быть, и нет, – сказал Муландер, не спуская глаз с Фабиана.

– Так что давайте начнем. – Тувессон подождала, пока Утес и Муландер усядутся на свои места, прежде чем продолжила: – Как вы уже наверняка знаете, у нас новое убийство. Оно не похоже ни на одно другое. Я только что разговаривала с Косой, который считает, что Эверт Йонссон умер около четырех недель назад из-за недостатка кислорода, потому что кокон, в котором он находился, или как там еще

можно назвать эту конструкцию, был почти абсолютно герметичным.

– Это все, что он смог сказать? – спросил Утес. – Это только подтверждение того, что мы уже и так знаем.

– Вы же сами видели тело. По словам Косы, разложение настолько сильно затронуло все части тела, что некоторые анализы сделать уже невозможно. Но трещина в черепе в районе затылка говорит о том, что жертву ударили по голове, и она потеряла сознание. После этого убитого, вероятно, приковали к той конструкции внутри кокона, и он очнулся только тогда, когда кокон уже был плотно закрыт. Помимо этого, есть явные признаки того, что он пытался выбраться оттуда и рьяно боролся за свою жизнь. Например, одно плечо у него вывихнуто, а несколько ремней на запястьях прорезали кожу и мясо до самой кости. Если верить Косе, то прошло примерно три часа, прежде чем он потерял сознание в последний раз.

– Другими словами, достаточно тяжелая смерть, – заметил Муландер.

– Можно сказать и так. Но давайте начнем с жертвы. Что мы о нем знаем?

– Сейчас нам известно только то, что его звали Эверт Йонссон и он работал таксистом в Энгельхольме, пока чуть больше года назад не вышел на пенсию, – сказал Утес. – Его жена, Рита Йонссон, умерла от рака молочной железы в две тысячи восьмом году.

– Других родственников нет?

– Нет, у него не было ни детей, ни братьев или сестер, а родители умерли больше двадцати лет назад.

– Это объясняет то, что он так долго пролежал, и никто его не хватился. – Тувессон подошла к доске, на которую прикрепила портрет Эверта Йонссона и написала: «Родственников нет». – И кстати, об этом. Как насчет той записки, которую нашел сосед убитого?

– Ты имеешь в виду это? – Утес поднял пакет с вещественными доказательствами, в котором лежал конверт от компании «Сидкрафт».

– Да, точно, что на нем написано?

– Ингвару удалось собрать несколько отпечатков, которые я пробил по базе, и, о чудо, мы нашли его! Вот его фото. – Утес пустил по кругу фотографию из полицейского досье, на которой человек, пробравшийся в квартиру Йонссона, стоял и держал в руках табличку со своим именем на уровне груди. – Его зовут Лео Ханси, и его, похоже, арестовывали за кражу со взломом больше раз, чем у него пальцев на руках.

– Но ты же не всерьез думаешь, что это он? – Тувессон взяла пакет из его рук и стала внимательно изучать написанное от руки послание на конверте. – Зачем простому грабителю подвергать кого-то таким мукам, чтобы через несколько недель вернуться и положить написанную от руки записку в почтовый ящик соседа?

Утес пожал плечами:

– По его словам, это была абсолютная случайность. Дверь была не заперта, и он вошел на свой страх и риск.

– Ты что, уже успел его допросить?

– Я подумал, что это лучше, чем сидеть сложа руки. Как вы знаете, я уже закончил просмотр записей с камер наблюдения из «Ики», – Утес улыбнулся. – И это правда, мне трудно представить, что убийца – это он, если только он не самый худший из неизвестных общественности актеров. Он до сих пор глубоко потрясен увиденным и несколько раз заверил меня, что это последний раз, когда он решил ограбить чью-то квартиру. С этого момента он собирается начать новую жизнь.

– Ну да, конечно, – хмыкнул Муландер, качая головой.

– Он взял что-то в итоге? Из квартиры? – спросила Тувессон.

– Если верить его словам, то там не было ничего ценного, и, судя по тому немногому, что я видел, я готов с ним согласиться. Но, может быть, Ингвар заметил, что чего-то не хватает. – Утес пожал плечами.

Тувессон кивнула.

– О'кей. Теперь мы должны задать себе вопрос: что заставляет кого-то хотеть подвергнуть другого человека чему-то подобному? – Рядом с портретом она прикрепила фотографию полуразложившегося тела в коконе. – Потому что, как бы сложно ни было это понять, все же должен быть скрытый мотив. Как только мы найдем его, мы также найдем и...

– Но что, если его нет?

Тувессон и остальные повернулись к Фабиану.

– Чего нет?

– Мотива, – сказал он, хотя до этого момента это была всего лишь теория, основанная на запутанном сне. – Что говорит о том, что обязательно должен быть мотив?

– Потому что так всегда бывает, – ответил Утес. – У каждого преступления всегда есть мотив.

– И когда мы найдем его, то найдем и преступника, – встала Тувессон.

– Ну, эту песню я слышал уже миллионы раз, – возразил Фабиан. – Но что, если в данном конкретном случае это не так? Что нам делать тогда?

В кабинете воцарилась тишина.

– Не знаю, правильно ли я тебя поняла, – сказала наконец Тувессон. – Ты серьезно считаешь, что никакого мотива может не быть?

– Я не знаю. Но считаю, что это вполне возможно, при этом я не уверен, что это поможет нам продвинуться дальше в расследовании. Поэтому я предлагаю на время оставить все разговоры о мотиве. – Фабиан встал и подошел к стене с белой доской. – Факт остается фактом: мы так долго блуждали в потемках в поисках мотивов, что уже не видим очевидного. Возьмем хотя бы убийство в прачечной или отравление...

– Но подожди, – перебил его Утес. – Как тебе хорошо известно, мы уже нашли мотивы, как в случае с убийством Му-

нифа Ганема, так и в убийстве Молли Вессман.

– Правда? Как ты можешь быть так уверен в этом?

– Но Фабиан, мы же даже арестовали преступников, – сказала Тувессон. – Хегсель сейчас всю готовится к суду.

– Я знаю, но я больше не уверен, что они виновны именно в том, в чем мы думаем. Возьмем, к примеру, Ассара Сканоса. Он педофил и явно помешан на маленьких девочках. Как это соотносится с тем, что он затолкал маленького сирийского мальчика в стиральную машинку?

– Но он же был там, Фабиан, – сказал Муландер. – Его отпечатки пальцев были найдены на дверце машинки.

– Да, но отпечатки пальцев – это не синоним мотива в данном случае. Это только техническая улика, которая может иметь совершенно разные объяснения. Насколько я понимаю, он знал кого-то из жителей дома. Того мужчину с куклами. Может быть, он просто пришел в гости и увидел, что дверь в подвал открыта, а потом спустился посмотреть, что там. – Фабиан пожал плечами. – То же самое и с Эриком Якобсеном. Он признал свою причастность к установке скрытых камер в квартирах разных женщин. У него также было много случаев грубого секса. Но эти факты не являются бесспорным или заслуживающим доверия мотивом к убийству Молли Вессман. Особенно если учесть, что ее, можно сказать, мастерски отравили рицином. Мне очень жаль, но это так.

– Значит, если верить твоим словам, мы вернулись к ис-

ходной точке? – спросила Тувессон. – И касаясь Мунифа Ганема и Молли Вессман?

– Не совсем. – Фабиан сглотнул и взвесил свои слова. – Я думаю, что все связано воедино.

– В смысле «все»?

– Все убийства и все расследования за последние несколько недель. Все, над чем мы работали, – Фабиан кивнул в сторону заполненной заметками и фотографиями доски.

Остальные смотрели на него, но никто из них ничего не сказал, пока Тувессон не повернулась к Утесу и Муландеру.

– Что думаете?

– Ну да, что тут скажешь? – Утес вздохнул. – Фабиан, иногда мне кажется, что ты выдвигаешь какую-то теорию, которая возникла в глубинах твоего сознания, вообще не осмыслив ее. Пойми меня правильно. Я понял, что ты имеешь в виду, но...

– Осмелюсь заявить, что на данный момент нет ничего, что указывало бы на наличие связи, – перебил Утеса Муландер. – Во-первых, случаи абсолютно разные. Возьмем хотя бы методы, которые использовали убийцы. Их много – от ножей и отравлений до стиральной машины. Теперь у нас еще добавился герметически закрытый кокон. То же самое и с жертвами.

– Это именно то, о чем я тоже подумала, – сказала Тувессон. – К тому же идея не нова, мы уже обсуждали ее, думали, могут ли быть все случаи связаны друг с другом, но нигде не

нашли общего знаменателя.

– Это правда, но в этом-то все и дело. Я думаю, что причина, по которой они так отличаются во всех отношениях, на самом деле и заключается в общем знаменателе.

Ким Слейзнер потягивал сок, который в хипстерском кафе «Пекарня Лауры» в Нэрребро в Копенгагене иронически назывался «Суперполезная кола», хотя по факту сахара в нем было больше, чем в «Джолли Коле». Он живо представлял себе, как его живот увеличивается с каждым глотком.

Он не взвешивался уже несколько недель. В последнее время весы и зеркало в прихожей были запретными зонами для него. Но разговора о том, что он набрал вес, и быть не могло. Отсутствие тренировок уже давало о себе знать, и если он ничего не предпримет в ближайшее время, то рискует вскоре получить избыточный вес весьма надолго.

Но это может подождать. У него сейчас другие дела. Другие вещи, настолько более важные, чем все остальное, что он впервые в жизни был готов к томительному ожиданию. Причина всего этого – Дуня. Маленькая Сучка Дуня Хугор, как ее следовало называть.

Она ушла в подполье, и сделала это, показав ему средний палец, после чего он лишился сна на несколько гребаных дней.

Если бы только она осталась в своей норе, еле живая после всего, что он с ней сделал. Тогда он был бы спокоен. Тогда бы он без проблем вышел на свою обычную пробежку, пробежался бы мимо оперы до Ревсхальвона и обратно. Он

даже мог бы возобновить свои силовые тренировки, занялся бы снова йогой, да чем угодно, черт бы ее побрал!

Но сейчас все это было невозможно.

Она охотилась за его скальпом. Он чувствовал это, как чувствуют надвигающуюся эпидемию гриппа, вируса Эбола, который распространялся все сильнее.

Когда он нашел послание в ее старой квартире, то понял, что это дело теперь перешло на совершенно другой уровень, где не было другого выхода, кроме как уничтожить ее. Не достаточно просто показать язык или подставить подножку из вредности. Время таких забав давно прошло.

На этот раз речь шла о том, чтобы схватить ее за глотку и ждть, пока язык не посинеет, а глаза станут похожи на шарики для пинг-понга. Оторвать от туловища ее жалкие ножки и ручки. Размозжить их кувалдой и скормить остатки какой-нибудь голодной гребаной свинье.

Но даже тогда он не закончит свое дело. Только когда свинью зарежут, зажарят прямо на открытом огне и подадут ему на тарелке, только тогда он сможет расслабиться. Когда прожует, проглотит, а потом переварит и оставит содержимое желудка в толчке, только тогда все будет кончено по-настоящему.

Ему просто нужно найти ее. Это, несмотря на все его связи и возможности, которые он имеет благодаря должности начальника криминального отдела полиции Копенгагена, оказалось гораздо сложнее, чем он изначально ожидал.

Эта маленькая говнючка, очевидно, все продумала и не раз, и не два.

Он уже нашел ее один раз. Правда, он видел ее всего несколько секунд на записи с камеры наблюдения из банка в Мальмё. Но этого было вполне достаточно, он вышел на след.

По этой причине он сидел сейчас здесь, на открытой террасе в центре Копенгагена, всего в нескольких метрах от ее дома на Блогордсгаде, 4 и пытался слиться с толпой гребанных хипстеров, попивая этот жалкий коктейль, предварительно сменив костюм и рубашку на пару джинсов, толстовку с капюшоном и модную кепку.

Он даже достал себе велосипед. Он, презиравший все, что имело отношение к велосипедам и прежде всего – к велосипедистам. В его глазах они были отбросами общества, и их надо было выстраивать в шеренгу и расстреливать на рассвете.

Но ждал он не Дуню, а того мелкого китайца – любителя слонов, который поселился в ее квартире. Тот утверждал, что его зовут Цян Ху, но в базах данных он не нашел ни одного упоминания, хотя пробовал искать и фамилию, и имя по отдельности.

Кем, черт возьми, он себя возомнил? Это было похоже на дурацкую шутку. Чертов любитель слонов.

Гарантии, что он действительно имел какое-то отношение к Дуне, конечно, не было, но сейчас китаец был его

единственной зацепкой. Поэтому за исключением нескольких минут, он провел целый день, сидя и наблюдая за подъездом из разных уличных кафе.

Он достал телефон и просмотрел электронную почту. Пришло еще одно письмо от Майкла Реннинга из ИТ-отдела по поводу какого-то обновления системы безопасности телефона.

Но сейчас у него не было времени на айтишные штуки. Несколько месяцев назад в этом же отделе накрылся весь почтовый сервер, он пролежал почти два дня. Об этом даже в газетах написали и...

Слейзнер прервал поток своих мыслей, когда увидел, что любитель слонов собственной персоной уже выходил из двери подъезда. И на кепке, и на футболке у него были слоны, не было никаких сомнений в том, что это он. За спиной у него был рюкзак, а в одной руке какая-то черная круглая сумка.

Слейзнер допил сок и подошел к велосипеду, но ему пришлось заставить себя снизить темп, удержаться от того, чтобы прямо сейчас вскочить в седло и поехать за желтолицым придурком. Это было бы слишком заметно. Более того, китаец даже еще не дошел до своего велосипеда, а стоял прямо посреди пешеходной улицы, склонившись над круглой сумкой, словно что-то искал в ней. Наверняка какую-нибудь мягкую игрушку в виде слона, чтобы держать ее в руке.

Но вдруг он начал двигаться вперед, стоя так, словно парил в нескольких сантиметрах над землей. Какого черта? Он

делал это еще и быстро! Слейзнер ничего не мог понять, пока китаец не проехал мимо, его ноги стояли по бокам сумки, которая, по-видимому, вообще не была сумкой, а представляла собой какой-то гребаный одноколесный велосипед с электроприводом и подножками по бокам.

Он никогда не видел таких устройств, и прежде чем успел хоть что-то сообразить, увидел, что китаец уже удаляется со скоростью, которая точно превышала допустимую в пешеходной зоне. Слишком поздно он вскочил на велосипед и начал крутить педали.

Но велосипед оказался далеко не таким эффективным среди толп пешеходов, как этот транспорт китайца, и когда ему наконец удалось выехать на Норреброгаде, он уже потерял преследуемого из виду, но через несколько секунд снова увидел его узкоглазую морду в задней части автобуса 3А, который пронесся мимо по дороге в центр города.

Миновав семь перекрестков, автобус прибыл на станцию Норрепорт и там задержался достаточно долго, чтобы Слейзнер успел догнать его и даже отдышаться. Он вспотел, как собака, запертая в припаркованной машине, его безумно мучила жажда. Но вскоре автобус снова тронулся в путь, а китаец и не думал выходить из него.

Добравшись в погоне за автобусом до Центрального вокзала напротив «Тиволи», он настолько устал и хотел пить, что отдал бы все на свете за глоток воды. Даже тот идиотский коктейль из хипстерского кафе подошел бы. Но он едва

успел подъехать к станции, как увидел, что толстяк вышел из автобуса, встал на свое моноколесо, которое тут же преодолело подъем по пандусу для инвалидов колясок, и исчез в здании вокзала.

Слейзнер со своим велосипедом поспешил следом в распахнутые двери вокзала и увидел, как китаец, удобно стоя и точно без единой капли пота на лбу, бодро стартовал вперед через толпу народа. Сам же он решил использовать велосипед как самокат, абсолютно не обращая внимания на крики охранника. Он постоянно звонил в звонок на руле, чтобы дать людям возможность отпрыгнуть в стороны.

Но спускаться по эскалатору к электричкам, однако, оказалось не так-то просто. Там, где фанат слонов с легкостью мог поднять свое моноколесо и держать его в одной руке, быстро проходя мимо очереди вниз к платформе, Слейзнеру протиснуться вперед на велосипеде не удавалось, как бы он ни старался. Люди отказывались отходить в сторону, хотя он работал звонком и прижимался передним колесом к их проклятым сумкам. В конце концов, у него не оставалось другого выхода: он просто бросил велосипед и стал преодолевать последние метры, пробираясь через толпу, чтобы успеть сесть на «S-поезд», идущий на юг.

На станции Сидхавн китаец сошел с поезда, спустился по лестнице и, выйдя на тротуар, конечно же, воспользовался своим чертовым транспортом и быстро покатил вперед. Слейзнер же вынужден был бежать за ним на достаточном

расстоянии, стараясь делать вид, что не преследует кого-то, а просто идет по делам.

Что, если китаец просто играет с ним? Что, если он узнал его еще на Блогордсгаде и теперь просто объезжал его в манеже, как пикадор, который подготавливал быка, прежде чем матадор придет и нанесет последний удар?

Слейзнер остановился на островке безопасности посреди Тегльхольмсгаде и огляделся. Дуни нигде не было. Зато китаец был виден достаточно хорошо, он катился дальше к входу в большое здание прямо перед ним, и в этот самый момент Слейзнер понял, что не все еще потеряно.

Здание принадлежало компании «TDC», генеральный директор которой, Стиг Полсен, был не только одним из ближайших друзей Кима, но и одним из самых активных членов клуба. В том случае, если выяснится, что Цян Ху, или как там его зовут, работает в «TDC», не важно, сколько он будет разъезжать на своем дурацком колесике. Ему никогда и ни за что не удастся сбежать.

Фабиан свернул на площадь Кунгсторгет у Центрального вокзала Хельсингборга и заглушил двигатель в одном из мест, где знак предупреждал о времени стоянки не более десяти минут. Он выбрал одну из семи сим-карт с анонимной предоплаченной подпиской, которые только что приобрел, и вставил в свою старую «Нокию», которая могла только звонить, отправлять СМС и показывать время.

После этого он нашел номер Гертруды Муландер в айфоне и позвонил ей с «Нокии». Конечно, она просила его оставить ее в покое, но он хотел поговорить с ней и услышать ее голос, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

Вы позвонили Гертруде Муландер. К сожалению, я не могу ответить на ваш звонок прямо сейчас, но вы можете оставить сообщение после звукового сигнала, и я обещаю перезвонить вам.

Почему она не отвечает? Если она находится в одной комнате с мужем, тогда все понятно. Но это не так. Далеко не так. Муландер сейчас в своей лаборатории в полицейском участке, занят сопоставлением отпечатков пальцев, волос и следов ДНК с различных мест преступления, и он, вероятно, будет занят этим до самого вечера.

Ее телефон, конечно, мог быть разряжен или на нем была установлена настолько маленькая громкость, что она просто

его не слышала. Или у нее просто были другие дела, не могла же она ходить вокруг телефона и ждать, когда кто-нибудь позвонит или напишет.

Он разблокировал айфон и зашел на Фейсбук, где у него была страничка, хотя он никогда не радовал своих друзей обновлением статуса или новостями. Страницу он завел для того, чтобы посмотреть на других и понять, как вообще работает эта социальная сеть, и если он правильно помнил, этой весной Гертруда посылала ему запрос в друзья.

Тогда запрос он не принял. Он почти никогда не добавлял кого-то в друзья. Ее запрос остался без ответа в растущем списке людей, которые по какой-то непостижимой причине хотели связаться с ним. Некоторые из них были бывшими коллегами и друзьями из Стокгольма, другие относились к периоду детства и юношества здесь, в Хельсингборге, а некоторые были вообще ему незнакомы.

Он не мог объяснить почему, но даже несмотря на то, что когда-то он работал или учился с кем-то из этих людей, ему казалось, что он продает свою душу и отдает ключ от своего дома, как только он одобрял запрос на добавление в друзья.

Гертруда, судя по всему, также не проявляла особой активности в общении в социальных сетях, хотя время от времени выкладывала фото какого-нибудь блюда, цветов или кошек. Но именно сегодня у нее на стене, похоже, появилось много новых записей. То от одного, то от другого друга уже были размещены и продолжали появляться поздравления с

фотографиями цветов, с сердечками и с бутылками шампанского.

Из всех дней в году именно сегодня у нее, как оказалось, был день рождения.

Так вот почему она не ответила? Может быть, она уже была где-то в ресторане и праздновала или побаловала себя посещением СПА или чем-то еще. Он просмотрел список поздравлений, и чем больше их он увидел, тем отчетливее становилась идея у него в голове, так что когда он просмотрел запись Яльмара Бергфорса «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ! Прими мои самые теплые пожелания счастья из Херби», то решил наконец сделать попытку.

Очевидно, Гертруда тоже была из Херби, и то, что Яльмар Бергфорс был старым другом детства, не вызывало никаких сомнений. Он снова достал «Нокию» и начал писать СМС.

Гертруда, привет! Ты, видимо, совсем не бываешь на Фейсбуке, так что на всякий случай я решил тебя поздравить еще и здесь: С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ! Надеюсь, у тебя сегодня отличный день! Мы давно не виделись, а я сейчас совершенно случайно оказался на пути в Хельсингборг, где у меня назначена встреча. Так что я хотел бы пригласить именинницу на кофе сегодня ближе к вечеру, ты как? Обнимаю, Яльмар Бергфорс. P.s: Пишу с незнакомого номера, так как несколько дней назад потерял мобильник вместе с симкой.

В его распоряжении было десять кнопок и ограничение в

160 символов, и это означало, что пришлось набрать целых четыре текстовых сообщения. Чтобы отправить весь текст, Фабиану потребовалось время и прежде всего немалая концентрация. Поэтому он был совершенно не готов к резкому стуку в боковое стекло и успел только поднять глаза прежде, чем дверь машины распахнулась.

– Привет-привет! – Соня помахала ему с улыбкой. – Вот мы и пришли.

– О, привет! – Он отправил последнее сообщение, вышел из машины и повернулся к Теодору, который был явно только что из парикмахерской. На нем была идеально выглаженная белая рубашка, синий пиджак и пара бежевых летних брюк. – Ух ты, отлично выглядишь.

Он сделал движение, чтобы обнять сына, но Теодор отодвинулся подальше и направился к машине.

– Думаю, вам пора выезжать, чтобы не опоздать.

Фабиан кивнул и обнял Соню.

– Увидимся.

– Удачи. – Она чмокнула его в губы и подошла к другой стороне машины, где Теодор пристегивался ремнем безопасности. – Эй, там! Никто обняться не хочет?

Теодор не ответил, он смотрел прямо перед собой.

– Ну ладно. Тогда вернемся к этому, когда вы вернетесь домой сегодня вечером. Чтобы ты знал, я собираюсь приготовить лазанью. Получится вкусно, как думаешь? – Она ждала реакции, но не получила ее. – И кстати, если хочешь ка-

кой-нибудь особенный десерт – самое время сказать об этом.

– Соня, – Фабиан привлек ее внимание, стоя с другой стороны машины. – Думаю, будет лучше, если мы поговорим обо всем этом дома.

Соня кивнула и отошла так, чтобы Теодор мог закрыть дверцу машины.

– Тео, вот увидишь, все пройдет хорошо, – Фабиан пристегнул ремень безопасности и включил зажигание. – И ты можешь быть абсолютно спокоен, я все время буду рядом с тобой.

Теодор промолчал. Фабиан включил поворотник, переключил скорость и увидел в зеркале заднего вида, как Соня вытирает слезы. Он выехал с Кунгсторгет и продолжил движение на юг по Йернвегсгатан.

Фабиан выключил двигатель и посмотрел на здание, которое находилось перед ними. Оно напоминало секретную исследовательскую лабораторию: казалось, будто и низкие корпуса из оранжевого песчаника, и блестящие металлические крыши, и маленькие окна стоят не на своих местах, а разбросаны беспорядочно и без какой-либо системы.

Теодор сидел рядом, он смотрел в одну точку. Их поездка была похожа на немое кино. Фабиан несколько раз собирался что-то сказать, но всякий раз останавливался, убежденный, что сын занят своими мыслями.

– Как ты? – наконец спросил он.

– Не знаю, – ответил Теодор, не отводя взгляда. – Как я должен себя чувствовать?

Что он мог на это ответить, когда его собственные чувства и мысли пребывали в каком-то хаосе? Он испытывал гордость и облегчение от того, что его сын наконец принял трудное, но правильное решение рассказать обо всем. Но ведь Фабиан сам настаивал на этом. Именно он не переставал убеждать, доказывать и в итоге простыми очевидными доводами убедил и Соню, и Теодора. И вот теперь он сидел здесь и чувствовал, что принятое решение покоится на фундаменте постоянного ноющего беспокойства.

Неужели он зашел слишком далеко?

– Я думаю, очень важно, что ты сам этого хочешь. Что ты понимаешь, что это единственно правильный вариант.

– Я знаю. Я уже принял решение.

Именно это он и сказал дома. Что он хотел начать все сначала, отправившись в Данию и рассказав обо всем, что случилось тогда. И Фабиану ничего так не хотелось, как верить ему. Верить в то, что это решение действительно исходило от него самого, а не просто было уступкой, чтобы избежать нытья родителей.

– Но если ты передумал, то сейчас самое время...

– Пошли, – прервал его Теодор. Он уже вышел из машины и направился к подъезду в пятидесяти метрах от них, в то время как Фабиан успел только отстегнуть ремень безопасности.

В приемной стоял датский прокурор, он поприветствовал их.

– Петер Ланге. – Он протянул руку для приветствия. – А вы, должно быть, Фабиан и Теодор Риск.

Они кивнули и пожали прокурору руку.

– Моя мать была родом из Швеции, поэтому я говорю на шведском почти свободно и понимаю тоже почти все. Еще я люблю «икру «Калле» и рождественскую колу. Нет ничего вкуснее ее, – продолжал он со смехом. – Теодор, запиши сюда, пожалуйста, имя, адрес и номер социального страхования. И кстати, вы взяли паспорта или какие-нибудь документы с фотографией?

Фабиан протянул паспорт, пока Теодор записывал свои данные и расписывался.

– Отлично. Пойдемте. – Петер Ланге приложил пропуск, открыл дверь и провел их через длинный коридор с окнами на одной стороне и закрытыми дверями на другой.

Примерно через тридцать метров коридор делал поворот на девяносто градусов, после чего они прошли еще примерно столько же, пока Ланге наконец не остановился и не открыл дверь в кабинет, где перед письменным столом стояли два кресла для посетителей, а между ними маленький столик с минеральной водой и двумя стаканами.

– Пожалуйста, садитесь. – Ланге закрыл дверь и сел за стол. – Я хочу начать с того, что я очень рад, что ты решил прийти сюда и рассказать мне все, что знаешь. Не каждый день появляется из ниоткуда новый свидетель прямо во время судебного разбирательства.

– Насколько я понимаю, у вас вообще было не так много свидетелей, – сказал Фабиан.

– Это верно, и именно это, помимо всего прочего, крайне осложняет весь процесс. Никто из истцов не остался в живых и не может дать показания. А подсудимые обвиняют во всем друг друга и уверяют, что они понятия не имеют, кто и что делал.

– У нас были подобные проблемы в ряде громких групповых изнасилований, где все подсудимые были оправданы, несмотря на то, что не было никаких сомнений в их винов-

ности.

– Вот именно. Поэтому если у меня есть хоть малейший шанс добиться вынесения обвинительного приговора для всей группы, я должен продемонстрировать в своем заявлении, что у них были общие намерения. А это совсем не просто, когда никто не хочет признать вину и, кроме того, отсутствуют свидетели! – Петер Ланге развел руками. – Вот почему я так рад, что ты здесь, Теодор. С помощью твоих показаний я надеюсь разрушить их договоренность и разобраться, кто из них что сделал. Но давайте начнем с самого начала. Ты можешь рассказать мне все своими словами?

Теодор сглотнул и кивнул, после чего дрожащей рукой взял одну из двух бутылок, наполнил стакан и одним махом опустошил его.

– Это не допрос, а просто обычный разговор, так что прошу тебя не нервничать, у тебя есть столько времени, сколько тебе нужно.

Теодор снова кивнул, налил еще немного воды и выпил.

– Она училась в моей школе. Я имею в виду Александру. Я был влюблен в нее какое-то время, но не осмелился рассказать о своих чувствах.

– О да, это не так-то просто сделать. Я был очень застенчив в твоем возрасте.

– Но однажды несколько ребят нагрубили ей и забрали ее кепку, а я разозлился и помог вернуть ее, и да... – Теодор пожал плечами. – Через некоторое время мы стали встре-

чаться.

– Молодец!

– Тогда я и познакомился с ее друзьями. Они тренировались в том же клубе боевых искусств, что и она. Хенрик, так звали одного из них. Имен двух других я не помню.

– Почему не помнишь?

Теодор пожал плечами.

– Они мне не нравились, и у меня не было никакого желания общаться с ними. Но оно было у Александры, и однажды утром, после того как мы по очереди пересекли пролив, я нашел в ее телефоне видеозапись. – Он взял бутылку, чтобы налить еще воды, но она была пуста.

– Вот, можешь взять мою. – Фабиан налил в стакан воду из своей бутылки и передал Теодору, который опустошил его, прежде чем продолжить.

– Это было то видео с шоссе, когда они послали на верную смерть того человека в тележке из магазина. Мы были у нее дома, и мне захотелось сбежать оттуда, оставить и ее, и ее больных на всю голову приятелей. Оказалось, что Александра тоже не хочет продолжать участвовать во всем этом. Она никогда и не хотела. Сначала она не поняла, что именно будет снимать, а потом было уже поздно. А этот Хенрик только продолжал заставлять ее делать то, что ему было нужно.

– То есть ты хочешь сказать, что за всем этим стоит Хенрик, он главный среди них?

Теодор кивнул.

– Он все решает. По крайней мере, мы с Александрой разбили тот телефон с видео, позвонили ему и сказали, что отныне все кончено. Что она больше не хочет во всем этом участвовать. Но он не согласился с этим и сказал, что это он решает, когда все будет кончено. И еще он сказал что-то о существовании свидетеля, сестры одной из их жертв.

– Санни Лемке?

– Да, точно, поэтому он заставил нас присоединиться к ним в последний раз. Я не хотел, но...

– Подожди. – Ланге выпрямился в своем кресле. – Ты хочешь сказать, что присутствовал при убийстве Санни Лемке?

Теодор сглотнул и кивнул:

– Но я ничего не делал. Все, что я...

– Но ты был одним из них, на тебе тоже была маска со смайлом?

– Да, но единственное, что я делал, это стоял рядом и смотрел, не идет ли кто-нибудь.

Питер Ланге уже снял трубку телефона и набрал короткий номер.

– Двое. Да, как можно быстрее.

– Папа, что происходит?

– Просто успокойся. – Фабиан взял Теодора за руку. – Мой сын пытается сказать, что он был там, но не принимал участия в том, что происходило.

– То же самое сказали и остальные четверо. По их словам,

Санни Лемке собственноручно засунула петарду себе в глотку и подожгла фитиль.

Дверь открылась, и вошли двое мужчин в форме, которые тут же направились к Теодору.

– Но, папа, какого черта?

– Эй, постойте, – Фабиан встал. – Что вы собираетесь делать?

– Сделай что-нибудь! Ты должен что-нибудь сделать!

– Это, должно быть, какое-то недоразумение. Вы ведь не собираетесь его арестовывать?

– Мне очень жаль, но я не знал, что ваш сын был одним из них. Это делает его виновным в...

– Виновным? Но его заставили в этом участвовать и стоять на стреме!

– Это называется пособничеством, что делает его таким же подозреваемым в совершении преступления. Поэтому нам нужно будет провести дополнительное предварительное следствие с тщательными допросами, в которых он, конечно же, будет иметь право на своего адвоката. Но до того, как это не будет сделано, у нас нет другого варианта, кроме как держать его под стражей.

– Папа, ты должен остановить их! – закричал Теодор, которого двое конвоиров уже выводили из комнаты.

– Но, ради бога, ему же шестнадцать лет! – Фабиан беспомощно переводил взгляд с прокурора на конвоиров. – Это совершенно неприемлемо! Мой сын приехал сюда по соб-

ственной воле давать свидетельские показания. Чтобы помочь вам. А вы арестовываете его, как будто он чудовище.

– Мне действительно очень жаль, но...

– Вам жаль?

– Папа!

– Эй, вы можете подождать минуту? – Фабиан поспешно подошел, схватил Теодора за руку и заставил охранников остановиться на полпути к выходу. – Вы не можете просто взять и увести его, черт возьми!

– В обычном случае не было бы никаких проблем с тем, чтобы позволить ему остаться дома под наблюдением и потом явиться на допрос, но с учетом серьезного характера преступления мы не можем просто позволить ему покинуть страну, – сказал Ланге. – Вы же сами офицер полиции и знаете, как это делается.

– Да, и я требую, чтобы мы во всем разобрались, прежде чем вы хоть что-нибудь сделаете.

– Вот именно, мы и будем во всем разбираться. Как только мы убедимся в том, что не рискуем тем, что он повторит преступление, станет препятствовать осуществлению правосудия или попытается скрыться, он отправится домой в ожидании возобновления судебного процесса. Скорее всего, уже завтра. – Ланге кивнул конвоирам, которые оттеснили Фабиана от Теодора и покинули помещение вместе с ним.

Фабиан снова собрался было возразить, но понял, что ничего не может сделать, кроме как стоять и смотреть, как двое

рослых мужчин в форме уводят его сына. Ему хотелось крикнуть что-нибудь Теодору, какие-то слова поддержки, хоть что-нибудь, что могло бы придать сыну немного сил, но он не успел. Конвоиры уже исчезли за углом вместе с его мальчиком.

На втором этаже подъезда дома № 4 по улице Шернгрэнден в центре Хельсингборга мигала ярким красным цветом лампочка, пытаясь привлечь к себе внимание. И тем не менее он не стал включать свет на лестнице. Глаза должны были привыкнуть. Через десять минут он вошел в квартиру и осторожно закрыл за собой дверь.

Это та же квартира, но теперь в ней все совершенно по-другому. Тогда, когда он пришел сюда, чтобы узнать, кто живет в квартире с самым крайним левым окном, здесь была идеальная чистота, каждая вещь лежала на своем месте. Теперь же здесь все было вверх дном.

То, что их идеально упорядоченная мелкобуржуазная жизнь оказалась под ударом из-за Ассара Сканоса, педофила, который совершил нападение на их малышку, было понятно. Но то, что они переносили это так тяжело, что не могли даже помыть посуду и убрать за собой, казалось совсем уж из ряда вон. Они будто целиком и полностью ушли в свои переживания, потратили все силы на оплакивание своей несчастной доли настолько, что энергии на то, чтобы выполнять обычные бытовые дела просто не осталось.

Он остановился перед дверью в спальню родителей. Тогда она была приоткрыта. Теперь же – закрыта. Чтобы ничего не запуталось и не закрипело, он достал из рюкзака баллон-

чик со средством для размораживания замков, прикрепил к красной, длиной в дециметр трубке, вставил ее в замочную скважину и пшикнул несколько раз, а затем обработал таким же образом дверные петли.

Дверь открылась бесшумно, после чего он смог войти и осмотреться. Так как он уже видел беспорядок в прихожей и кухне, то совсем не удивился тому, что здесь одежда валялась по всей комнате, а оба ночных столика были завалены бумажными салфетками, стаканами и открытыми пачками со снотворным. Это гарантировало, что родители спали достаточно крепко.

И, конечно, не было ничего странного в том, что они лежали каждый на своей половине кровати, спиной друг к другу. Значит, это был не первый раз, когда отношения дали трещину после того, как их общий ребенок попал в беду. Тем удивительнее было то, что девочка, о которой шла речь, не лежала между ними в середине кровати. Что было бы вполне естественно.

Черт возьми! Эта мысль даже не пришла ему в голову, и теперь он стоял посередине комнаты, не зная, как поступить. А что, если ее здесь нет? Что он будет делать? Что, если они отвезли ее к бабушке с дедушкой, потому что сами не способны позаботиться о ней. Что, черт возьми, он будет делать в таком случае?

Он повернул обратно в прихожую и прошел мимо двери с надписью «Рубен», сделанной из ярких деревянных букв,

и остановился перед дверью в дальнем левом углу, где деревянные буквы образовывали имя «Эстер», а рядом были наклеены красочные рисунки с цветами, сердечками и, как можно было догадаться, принцессами.

Он и здесь обработал запорный механизм и петли средством для размораживания замков, прежде чем открыл дверь и вошел в комнату. Он вздохнул с облегчением: девочка лежала в своей постели, и так же, как и в прошлый раз, она была в позе эмбриона с большим пальцем во рту в окружении своих плюшевых мишек.

Закрыв за собой дверь, он подошел к краю кровати, присел на корточки и принялся вытряхивать содержимое рюкзака. Две бутылки с водой и большую миску он отставил в сторону. Из полиэтиленового пакета он достал тряпку, смоченную в растворителе, и поднес ее так близко к голове девочки, чтобы она могла вдохнуть пары.

Он сидел рядом с ней с тряпкой в руке несколько минут, прежде чем решил, что она получила достаточную дозу, после чего осторожно отнял одну ее руку от лица и прижал тряпку к ее носу и рту. Никакой реакции не последовало, ни малейшего рывка или попытки сопротивления, девочка начала все глубже погружаться в туманный искусственный сон.

Все же он делал ей некое одолжение. Не то чтобы его это волновало. Вообще-то ни капли. Единственное, что было важно, так это то, что задание костей выполнялось так, как должно было. То, что малышка Эстер теперь не будет вы-

нуждена просыпаться по утрам и осознавать, что часы, проведенные в обществе педофила Ассара были не просто кошмаром, а действительностью, можно было скорее рассматривать как в некотором смысле положительный побочный эффект. Судя по тому, что он видел в спальне ее родителей, она, скорее всего, вырастет ребенком разведенных родителей и гарантированно станет тупой наркоманкой, готовой на все что угодно ради новой дозы.

Он отвинтил пробки на бутылках и вылил содержимое в миску, воды получилось как раз столько, сколько нужно: примерно три сантиметра до края. Затем он перевернул лежащую без сознания девочку на живот и развернул ее тело так, чтобы голова свесилась с кровати. Наконец он взял миску с водой, осторожно поднес ее к лицу девочки и стал ждать.

И в этот раз не последовало никакой реакции.

Ни звука. Ни сопротивления. Ничего, кроме нескольких пузырьков.

Фабиан давно потерял счет попыткам припарковать машину в пустой карман напротив его дома на Польшегатан. Она все равно встала криво, одно заднее колесо оказалось на тротуаре, но ничего не поделаешь.

Он перешел дорогу и отчетливо почувствовал, что удерживать равновесие получается с трудом. Но он, по крайней мере, не спотыкался и почти сразу нашел в связке нужный ключ от дома.

Это был первый раз, когда он вел машину пьяным. Бывало такое, что он садился за руль, выпив задолго до этого один или два бокала вина, которые не успевали выветриться полностью, и в случае проверки алкоголь могли бы обнаружить в крови. Но никогда в жизни он не садился за руль таким пьяным, как в этот раз.

Сегодня все шло не так, как должно было. Вместо того чтобы отправиться домой вместе с Теодором и поддержать его, подготовить к тому, что вскоре придется выступить в суде в качестве свидетеля, он после нескольких часов попыток заставить датского прокурора изменить свое решение вынужден был возвращаться домой через пролив совсем один. Он был слишком наивен. Он заставил и самого себя, и остальных членов семьи принять желаемое за действительное, заставил думать, что все как-нибудь образуется. Если

они будут поступать правильно, то все в конечном итоге тоже будет идти в правильном направлении. Как будто был такой закон природы, всеобщая справедливость.

Но такие мысли оказались абсолютно ошибочными.

Он позвонил Соне с парома и рассказал обо всем, и она восприняла это на удивление спокойно и, казалось, думала о чем-то совсем другом. Он спросил, о чем именно она думает, но она уклонилась от ответа, только сказала: «У тебя есть столько времени, сколько тебе нужно».

Алкоголь, безусловно, сыграл свою роль. Уже после нескольких стаканов мысли о Теодоре стали расплывчатыми и неясными. Еще после нескольких тревога почти исчезла, и он убедил себя в том, что в конце концов все будет хорошо. Но когда он вошел в дом и почувствовал запах только что приготовленной лазаньи, то беспокойство немедленно вернулось.

Стараясь не разбудить Соню, он разделся на нижнем этаже, почистил зубы и умылся в гостевом туалете, прежде чем поднялся в спальню и залез под одеяло. Но когда он передвинулся на середину, чтобы обнять Соню и шепнуть ей на ухо, что он дома, то обнаружил, что ее часть кровати пуста.

Он сел и огляделся в темноте, все еще чувствуя опьянение. Неужели она сдалась и сбежала? Собрала самое необходимое, как только Матильда уснула, и просто ушла от них? После всего, что произошло, его уже ничто не могло удивить.

И это после того, как он сказал себе, что у них наконец-то

все стало получаться. Что все невзгоды только укрепляют их союз, что со временем все встанет на свои места, они снова будут счастливы вместе. В последнее время они вообще практически не ссорились. Они почти во всем соглашались друг с другом. Посреди всего хаоса они держались вместе и впервые за долгое время хотели двигаться в одном направлении.

Может быть, все это было даже слишком хорошо, чтобы быть правдой. А в итоге оказалось всего лишь имитацией того, что все прекрасно. Красивой оболочкой, призванной создать иллюзию чувства безопасности, при этом имея возможность при любом удобном случае исчезнуть и забыть обо всем, что их объединяло долгие годы. *У тебя есть столько времени, сколько тебе нужно.*

Если бы он сейчас не слышал музыку, которая доносилась откуда-то сверху, то сразу же заснул бы именно с такими мыслями. Вместо этого он встал с кровати и вышел в прихожую. Музыка все еще звучала слишком тихо, чтобы он мог разобрать, что это за композиция. Но тусклый мерцающий свет, который, казалось, почти сбегал по ступенькам, привел его в студию.

Это была комната Сони, она же – одна из причин, по которой он купил этот дом. Жена всегда хотела иметь студию дома. Комнату, которая принадлежала бы только ей, куда она могла прийти и творить, как только ее посещает вдохновение, а не так, как было в Стокгольме, где ей приходилось ри-

совать в метро. В этой комнате она могла рисовать по утрам, когда остальные члены семьи еще не проснулись, или вечером и до глубокой ночи.

Она не была там больше месяца. С тех самых пор как ее любовник, который выдавал себя за коллекционера предметов искусства, в итоге оказался одним из преступников в расследовании, которым занимался Фабиан. После всего произошедшего она отказывалась заходить в эту комнату. Она была настолько опустошена, что искусство для нее теперь было законченной главой книги ее жизни.

Он надеялся, что это временный кризис и только вопрос времени. Она еще наденет свой рабочий халат, который был весь в пятнах краски самых разных цветов, и снова начнет творить. Но она этого не делала.

До этого момента.

Потому что сейчас она лежала прямо на полу в своей студии. Глаза ее были закрыты, она лежала неподвижно, закутанная в свой белый халат. Вокруг нее было расставлено тридцать зажженных свечей, а из динамиков доносился голос Брюса Спрингстина из песни «Небраска», с одного из ее любимых альбомов, который она никогда не ставила, за исключением случаев, когда ей было по-настоящему грустно. Тогда она включала именно его. Когда больше ничего не помогало.

– Соня... – позвал он, входя в комнату. Она не ответила, оставшись лежать прямо, вытянув руки вдоль тела. – Что ты

делаешь? — продолжил он, отмахнувшись от мысли о том, что, Грета, возможно, имела в виду именно его жену. — Время уже больше половины третьего.

Но и это не сработало, и наконец волна серьезного беспокойства прорвалась сквозь алкогольный туман у него в голове. Она сделала этот шаг...

— Соня...

Когда она встала, он уже не понимал, произошло ли это на самом деле или это просто фантазия, созданная его собственными желаниями, пока он спал в состоянии алкогольного опьянения. Он хотел спросить, но не успел, так как она, приложив палец к губам, подошла к нему и скинула с себя халат.

От нее чудесно пахло, и когда она наклонилась, чтобы поцеловать его, он почувствовал, как капли с ее еще мокрых после душа волос побежали по одной его ноге, как будто все было по-настоящему. Поцелуй был поначалу спокойным и неуверенным, но становился все более интенсивным и жадным.

Но почему именно сейчас? Он ничего не понимал. Неужели она лежала здесь и ждала его, несмотря на то, что сейчас середина ночи и их сын задержан датской полицией? Или это вовсе не от нее зависело? Может быть, это желание внезапно возникло из чувств, которым так долго просто не находилось места, но которые все время были у нее? И были довольно давно.

Потому что ей этого хотелось. Впервые за долгое время и как никогда раньше ей этого хотелось.

Он ответил на поцелуй и попытался оттолкнуть ее ненасытные губы своими, и одновременно приложил руку к ее груди и начал ласкать сосок. Он всегда так делал. Тем временем он осторожно гладил другой рукой ее живот и двигался дальше, к паху.

Но не в этот раз. Не прерывая поцелуя, она отодвинула его руки, схватила за волосы и стала опускать вниз его голову. Вниз вдоль шеи, к грудям, которые она позволила ему ласкать кончиком языка.

– Лижи, – сказала она. – Оближи их.

И он повиновался. Раз за разом он касался ее сосков, влажных от его слюны.

– Дуй, – продолжала она. – Я хочу, чтобы ты подул на них.

Он повиновался и почувствовал, как дрожь пробежала по ее телу, в то время как она заставляла его опуститься еще ниже к ее половым губам.

Он был там много раз. Но не таким образом. Он никогда не делал это с такой силой. Схватив его за волосы, она заставляла его опускаться все глубже и глубже туда, где он никогда не был. Ему это нравилось, и ей тоже. Все более громкие стоны. Мышцы, которые напряглись до предела и заставляли ее тело дрожать еще сильнее, она хотела еще. Еще и еще, и не могла насытиться.

А ведь она всегда была такой тихой. Всегда просила вы-

ключить свет и спешила в ванную, чтобы принять душ, как только они заканчивали заниматься любовью. Она будто изменилась в одночасье.

– Мне так хотелось секса. Я была так возбуждена, – сказала она, заставляя его опуститься на твердый, но теплый деревянный пол. – Я так хотела этого, – она взяла его твердый член в свою руку и начала двигать ею вверх и вниз.

– Я тоже, – ответил он, не желая, чтобы она останавливалась.

– Но я хотела не тебя, – продолжила она, начав водить кончиком языка вокруг головки его члена. – Вовсе не тебя. – Она взяла член в рот. Он попытался понять, что происходит. Что она имела в виду. Но вопросы остались без ответа, и вскоре мысли снова были только о ее ласках. Как она взяла его глубже, чем когда-либо, чтобы вскоре после этого поцеловать и поиграть с ним, как будто хотела ласкать каждый его сантиметр.

Если она будет продолжать в том же духе, то он скоро не сможет больше сдерживаться. Слишком давно у них не было близости, слишком. Кончик ее языка так соблазнительно скользил по краю головки вместе с ее рукой, которая так крепко держалась за его член, что тот, казалось, готов был разорваться, настолько сильно налился кровью. Теперь Фабиан чувствовал, что развязка близко и скоро он уже не сможет сдерживаться.

– Тогда ты был последним человеком, которого я хотела, –

сказала она и так сильно нажала большим пальцем на место чуть ниже головки, что таким образом не дала сперме вытечь. — Кого угодно, только не тебя.

Он снова был в замешательстве. Разочарован, а может, и нет. Сперма все еще была в его теле, с такой силой, что булькала внутри с каждым ударом сердца. Когда Соня наконец оседлала его, он желал только одного: чтобы рассвет не наступал никогда.

— Когда он вошел в меня, — продолжала она в то время, как начала медленно делать движения вверх-вниз. — Мне было безумно хорошо, я никогда не испытывала ничего подобного. — Она наклонилась вперед и позволила ему ласкать груди. Сначала одну, потом другую. — Он как будто освободил меня... от всех моих проблем, я стала другим человеком. — Она снова выпрямилась и начала двигаться все активнее, вверх и вниз, как будто хотела, чтобы член вошел еще глубже. — Он был груб со мной, а я и не подозревала, что именно грубости и жесткости мне не хватало все эти годы с тобой...

Она ускорила темп, а он помогал ей руками, обхватив ее напряженные ягодицы, он приподнял ее так высоко, что член полностью выскользнул из нее, а потом опустил так резко и сильно, что ей, должно быть, было больно. Но ее стоны были такими сладострастными, она явно хотела большего, поэтому он все сильнее насаживал ее, поглаживая ее промежность, пока кончики его пальцев не почувствовали, как член скользит внутри ее.

– Даже когда он ударил меня, это было приятно... Несмотря на пульсирующую боль и потекшую кровь. Даже тогда... Как будто я спала многих лет и наконец, проснулась... Когда я поняла, кто он на самом деле, было уже слишком поздно...

Без всякого предупреждения она слезла с него и встала перед ним на четвереньки, в позу, которую она никогда не любила и считала, что она подходит только для порнофильмов. Теперь же она просила войти в нее, стоя задом к нему и раздвинув пальцами половые губы, и как только он вошел в нее, она застонала так громко, что он был уверен, что их могли услышать даже соседи.

Но ему было все равно, он продолжал входить в нее все сильнее и быстрее, в то время как гнев кипел в нем. Сколько раз ему хотелось, чтобы она рассказала о произошедшем и раскрыла все тайны, которые превратились в стену, разделявшую их. А теперь, когда она наконец это сделала, он не хотел ничего, кроме как заставить ее замолчать.

– Я пыталась сбежать... – продолжала она, а он ударил ее по ягодице ладонью так сильно, что осталась красная отметина. – Возьми меня сзади... Он еще раз сильно ударил ее ладонью и понял, что она уже на грани рыданий. Но мысль о том, чтобы остановиться, казалась ей такой же далекой, как и ему. – Но я не смогла этого сделать...

Как будто их тела одержали верх над мыслями.

– Для него я была ничем... – От них больше ничего не зависело. – Не более, чем способ получить к тебе доступ... он

хотел добраться именно до тебя... — Они увеличили темп и приближались к кульминации. — Он хотел использовать меня, а потом просто избавиться... — Каждый раз, когда он проникал в нее, она отталкивалась все сильнее и сильнее. — И он заставил меня залезть в тот ящик, который я сама же и сделала... Как будто это был гроб... Я слышала, как он заворачивал отверткой каждый винтик, который он вворачивал в крышку...

Конец приближался, он начался с дрожи в ее голосе.

— Яма уже была вырыта... Все было готово... — Внезапно волна удовольствия, разрядка охватила все ее тело. — Он хотел похоронить меня... — И перешла на него. — Заживо... — Она охватила их тела с такой силой, что они оба закричали.

Фабиан попробовал все еще слишком горячий кофе и потрогал колени, которые, несмотря на две таблетки обезболивающего, болели, как после марафона. Когда он проснулся сегодня утром, то вообще не понял, почему они так болят. Но как только обнаружил ссадины, то все встало на свои места.

Но сейчас его не волновали ни ссадины, ни непрекращающаяся боль. Напротив, они были одними из немногих светлых пятен в его нынешней жизни. Напоминанием о том, что ночные упражнения с Соней на полу в студии были не просто сном.

Наконец-то она рассказала обо всем и тем самым заполнила пробелы в его картине того, что случилось в те роковые дни, когда она ушла от него к своей новой любви. Это была суровая правда, как для него, так и для нее. То, что речь шла о нанесенной травме, он понял давно. Но то, что она была похоронена заживо, запертая в сделанном ею же арт-объекте «Висящий ящик», принять было крайне трудно, хотя это объясняло, почему его коллеги так настаивали на том, чтобы забрать деревянный ящик на техническую экспертизу.

Это также дало ответ на ее внезапное отвращение к искусству. Еще стало ясно, почему она ждала его именно в студии и решила рассказать обо всем именно этой ночью. Ока-

залось, что вчера днем она получила сообщение от полиции о том, что осмотр ящика завершен и у нее есть пять рабочих дней, чтобы забрать его домой, в противном случае он будет отправлен на утилизацию.

И все же он чувствовал себя не в своей тарелке, думая обо всем этом. Как будто вся ночь была какой-то неправильной: они лежали там, занятые только друг другом и общей болью, и позволили себе наслаждаться процессом в то самое время, когда их сын провел свою первую ночь в тюрьме. Это было не похоже на него, и уж точно не похоже на Соню.

– Кого я вижу! Господин Риск снова пришел первым. – Муландер огляделся по сторонам, направляясь в конференц-зал. – Чтоб меня черти взяли!

– Здорово иметь возможность кого-то удивить, – ответил Фабиан, улыбнувшись.

– Хотя ты выглядишь усталым и измученным. Вчера поздно закончил?

– Достаточно. Надо доделать несколько дел.

– Да, дел у нас много всегда. – Муландер положил стопку папок на стол и сел. – Значит, сегодня не будет никаких «личных дел»?

– Будут, но только сегодня до обеда.

– Опять Теодор?

Фабиан кивнул.

– А у тебя как? – Из всех тем о Теодоре с Муландером он хотел говорить меньше всего.

– Что ты? С ума сошел? Откуда у меня время на личные дела посреди всего этого? – Муландер развел руками.

– Я скорее имел в виду вчерашний вечер. У Гертруды ведь был день рождения?

– Эм... Да... – Муландер замер. – Прости, что ты сказал? Я задумался о своем...

– Гертруда, твоя жена. Я видел в Фейсбуке, что у нее вчера был день рождения. Надеюсь, ты успел отпраздновать с ней как следует, а не просто сидел здесь и работал всю ночь.

– Аа-а... да... – Муландер выдавил из себя улыбку и рассмехался. – Надежда умирает последней. К сожалению, я должен тебя разочаровать. Но, к счастью, Гертруда давно меня знает и в курсе, что у меня нереально много работы, когда у нас новое расследование.

– Вуаля! Ну, что я говорила? – воскликнула Тувессон, входя в кабинет с Утесом и Лильей. – Вот они где. Отлично. Давайте начинать. Если, конечно, вы не заняты обсуждением чего-то своего.

– Совсем нет, – сказал Муландер. – Мы просто говорили о рабочей нагрузке. А теперь, раз уж мы затронули эту тему, я могу рассказать, что провел всю ночь в лаборатории, сопоставляя все образцы, которые мы собрали с различных мест преступления. И это несмотря на то, что, как справедливо заметил Фабиан, у Гертруды вчера был день рождения.

– Другими словами, сегодня ночью ты будешь спать на диване, – сказал Утес и начал подключать ноутбук.

– Вообще-то у меня очень понимающая жена, так что я уж как-нибудь выживу.

– И к чему же ты пришел? – спросила Тувессон.

– К тому, что Фабиан был прав в своей теории о том, как взаимосвязаны расследования, и в том, что это не работа нескольких отдельных преступников с разными мотивами, а одного человека. – Он поднял вверх указательный палец. – Фабиан, не надо так удивляться. Когда-нибудь, думаю, у тебя тоже получится. – Он одарил Фабиана улыбкой и подмигнул, прежде чем снова обратился к остальным. – Оказалось, что, не осознавая этого, мы собрали ДНК-образцы в виде фрагментов кожи, волос и слюны одного и того же человека на всех трех местах убийства.

– Означает ли это, что чисто технически мы можем привязать одного и того же человека, о котором идет речь, к убийству Мунифа Ганема, Леннарта Андерссона и Молли Вессман? – спросила Тувессон.

Муландер кивнул.

– И с большой долей вероятности даже Эверта Йонссона, хотя пока мне удалось сопоставить только один отпечаток пальцев с кокона с отпечатком из прачечной.

– Это просто невероятно! Но скажи мне, почему мы не обнаружили этого раньше, ведь доказательства были найдены и лежали в вашей лаборатории все это время?

– Этому есть несколько различных объяснений. Во-первых, мы только сейчас начали получать результаты по образ-

цам ДНК, во-вторых, никто из нас не думал всерьез о том, что это мог быть один и тот же преступник до вчерашнего дня, когда Фабиан...

– Мы думали об этом, – перебила его Лилья. – Нам просто не удалось найти какой-то общий мотив.

– Именно. И именно поэтому для меня не было главным приоритетом сопоставить все отпечатки и образцы, которые мы получили. Но вы можете считать виноватым меня, если вам от этого станет легче. Нет проблем. Как будто у меня было двадцать пять, а может, и все двадцать шесть часов в сутках.

– Да, я действительно в большой степени могу винить тебя. – Тувессон закрыла дверь. – Это не означает, что и ты, и все мы не работали намного больше, чем можно только представить в течение нескольких последних недель. Но, честно говоря... Вам не кажется немного странным, что только сейчас, после четырех убийств, мы осознали, что это вовсе не отдельные события, а действия серийного убийцы? Серийного убийцы, который, вероятно, сейчас вовсе планирует следующее преступление.

– Ну да, немного странно, – пожал плечами Муландер. – Я бы сказал, что все в этих расследованиях было и остается необычайно странным. Все, от совершенно разных способов убийства до выбора жертв. Взять хотя бы время. Эверт Йонссон задыхается в своем коконе где-то около 25 мая...

– Ингвар, я...

– Подожди, вообще-то сейчас говорю я. После этого проходит почти двадцать дней, прежде чем Муниф Ганем погибает в прачечной. Через три дня Молли Вессман умирает от отравления, то есть в тот самый день, когда Леннарт Андерсон был зарезан прямо на глазах у множества свидетелей в «Ика Макси». – Муландер развел руками. – Так что нет, в нынешних обстоятельствах я бы скорее сказал, что мы работали довольно быстро и эффективно.

– Я полностью отдаю себе отчет в том, что это расследование не похоже ни на одно другое и что Национальная криминальная лаборатория, несмотря на наш приоритет, предоставила результаты образцов ДНК только сейчас. Но отпечатки пальцев, например, ты же имел к ним доступ все время.

– Да, но, как я уже сказал, мы...

– Дело не в том, что мы решили или не решили, к чему пришли. Или в том, насколько ты занят и сколько часов в сутках. Я считаю, что ты должен всегда сопоставлять все образцы, которые получаешь, даже если я не просила об этом. Особенно в нынешних обстоятельствах. Кто знает, на какой стадии сейчас было бы расследование, если бы еще неделю назад ты обнаружил, что отпечатки пальцев из прачечной в Бюве были и в квартире Молли Вессман?

– Что ты хочешь, чтобы я сказал?

– Тебе не нужно ничего говорить. Мы все делаем ошибки и бывает упускаем что-то. Просто такое никогда не случается с тобой. Поэтому мне интересно, от чего это может

зависеть. У тебя личные проблемы, которые мешают работе? Может, случилось что-то, что мешает тебе сосредоточиться на рабочих моментах? Может, мне надо попросить помощи извне?

– Нет, нет, я в порядке. Я в норме.

– Точно? Я вполне могу понять, что ты устал от такой работы и нуждаешься в отдыхе. Я просто должна знать, на что могу рассчитывать.

Фабиан смотрел, как Муландер стоит и кивает, как провинившийся ребенок. Неужели все его грехи наконец настигли его?

– Ребята, предлагаю двигаться дальше, – сказала Лилья, поворачиваясь к остальным. – Я думаю об одном: если это один и тот же преступник, то он, должно быть, мягко говоря, хорошо умеет все планировать и отлично подготовлен, верно? Разве это не странно, что он оставляет так много отпечатков? Ладно, если он потерял несколько волос то там, то сям. Но слюна, отпечатки пальцев и все такое? Что-то здесь не так.

– Ты хочешь сказать, что это может быть частью какого-то продуманного плана? – спросила Тувессон.

– Понятия не имею, – пожала плечами Лилья. – Но если это не так – то он уж слишком большой растяпа.

– Или просто чувствует себя достаточно уверенно, – сказал Фабиан. – В связи с тем, что убийства настолько различаются по всем пунктам, то нет никаких причин объединять

их в одно расследование. В этом моменте я готов согласиться с Ингваром. Совсем неудивительно, что мы поняли это только сейчас.

– Кроме того, он нигде не оставил отпечатков пальцев, – сказал Муландер. – Только в прачечной и дома у Эверта Йонссона. Если вы не хотите оставлять после себя следы, которые можно идентифицировать после исследования ДНК, то должны ходить в водолажном костюме.

– И еще кое-что, – продолжала Лилья. – Если нет никакого скрытого мотива, зачем тогда вообще все это делать? И зачем использовать такие совершенно разные методы и жертвы абсолютно разные?

– Я бы предположил, что для него это просто игра.

– Игра? – Тувессон повернулась к Муландеру.

– Да, почему бы и нет? – Муландер развел руками.

– Нет, я не понимаю. В смысле «игра»? Что ты имеешь в виду?

– Я не удивился бы, если б узнал, что он просто хотел повеселиться, и чем разнообразнее убийства, тем веселее. Верно? Для него, во всяком случае. – Муландер увидел только несколько вопросительных взглядов, направленных в его сторону. – Ну, может, это и бред, конечно, – пожал он плечами. – Это всего лишь одна из мыслей, у меня нет каких-то доказательств. – Он окинул взглядом всех остальных. – Так что давайте двигаться дальше.

– Да, у нас еще есть кое-что на повестке дня, – сказал

Утес. – И кто знает, возможно, именно здесь мы найдем какие-то ответы, – он показал на ноутбук.

Фабиан, к своему удивлению, осознал, что сидит и кивает в знак согласия. Но согласен он был не с Утесом, а с Муландером. Он умудрился попасть в точку, но тут же мгновенно раскаялся и попытался взять свои слова обратно. Как будто ему только что пришло в голову, что он был единственным в отделе, кто действительно понимал преступника. Возможно, он даже узнал в нем себя.

– Утес, что ты будешь показывать? – Тувессон посмотрела на часы.

– Только не говори, что забыла! – воскликнул Утес, не скрывая раздражения.

– Прости, но забыла о чем? – спросила Тувессон.

Утес вздохнул.

– О том, что я просмотрел каждую запись с камер наблюдения из «Ика Макси» за неделю до убийства Леннарта Андерссона и сегодня должен был делать доклад. Ты же в курсе. Я должен был сделать его еще вчера, но на пути встал Эверт Йонссон, вот почему я думаю, что мы должны покончить с этим прямо сейчас.

– Я понимаю, но все же предпочла бы подождать до завтра или, по крайней мере, до времени после полудня. У нас еще остались вопросы, которые надо обсудить. После этого я должна пойти к Хегсель и сообщить, что обвинения против Эрика Якобсена и Ассара Сканоса нуждаются в пересмотре.

– Нет уж, я ждал слишком долго. Я считаю, что нам пора заняться моим докладом.

– Утес, при всем уважении к твоей работе, но сейчас я решаю, что... – Тувессон прервал ее мобильный. – Я на совещании. В чем дело?

Фабиан и остальные члены отдела видели, как Тувессон стояла с прижатым к уху телефоном и бледнела все больше по мере того, как собеседник рассказывал ей о чем-то. На протяжении всего разговора она практически ничего не говорила, пока не пришло время заканчивать.

– Он снова нанес удар, – она сглотнула, пытаясь сохранять спокойствие. – Этот сукин сын снова принялся за дело.

– О боже, – вздохнула Лилья. – И кто жертва на этот раз?

– Эстер Ландгрэн, девочка, которую ты всего несколько дней назад спасла из лап Ассара Сканоса. – Тувессон больше не могла сдерживать слезы.

– Что? Что ты такое говоришь? – Лилья потрясла головой, словно убеждаясь, что не ослышалась. – Это правда?

– Да, это просто ужасно.

– Но зачем ему было... что она такого сделала... я ничего не понимаю.

– Когда она умерла? – спросил Муландер. – И как?

– Насколько я поняла, она мертва уже несколько часов. – Тувессон вытерла слезы и глубоко вздохнула, чтобы взять себя в руки. – Только час назад родители поняли, что она не просто спит, а захлебнулась.

– Захлебнулась? – воскликнула Лилья. – Но какого черта? Не могла же она захлебнуться, лежа в собственной постели?

– Я знаю, но посмотрим, что скажет Коса. По словам родителей, у нее изо рта вытекло много воды, когда они пытались привести ее в чувство. И именно так, как ты, Фабиан, и говорил, это слишком нетипично и не похоже на другие убийства, чтобы не иметь связи с другими преступлениями, расследованием которых мы сейчас занимаемся.

– Но? Я не понимаю, – сказала Лилья, пытаюсь бороться со своими эмоциями. – Может мне кто-нибудь объяснить, какое отношение Эстер Ландгрэн, маленькая невинная девочка, имеет к нашему преступнику?

– Ирен, я не знаю. Именно это мы и должны выяснить, – сказала Тувессон. – Единственное, что я знаю, – это то, что мы должны найти этого сукина сына, прежде чем он снова нанесет удар. Ингвар, я хочу, чтобы ты отправился туда и собрал все следы, которые только можно, и на этот раз, полагаю, мне не нужно напоминать тебе, чтобы ты сопоставил их с теми, что у нас уже есть.

– Да, разумеется. – Муландер начал собирать папки.

– Ирен, ты берешь на себя родителей, а ты, Фабиан, займись Косой, даже если он еще не закончил. Утес, тебе придется обойти соседей и опросить всех...

– Нет, – покачал головой Утес.

– Что значит «нет»?

– Я пойду обходить соседей. Но не прямо сейчас.

– Почему нет? Да что с тобой такое?

– И то же самое касается всех остальных. Вы тоже ничего не будете делать, вы останетесь здесь, пока я не...

– Утес, черт побери! – Тувессон вышла вперед и встала прямо перед Утесом. – Вообще-то это я руковожу проведением расследования!

– Может быть, и так, – сказал Утес, красный как рак и с комком в горле. – Но прямо сейчас мне наплевать на это. Я считаю, что все должны остаться еще на четверть часа и посмотреть мой отчет.

Хиллеви Стуббс лежала вытянувшись на полу яхты «Петтерссон». Ростом она была не выше метра и пятидесяти трех сантиметров и все же едва уместилась среди всех тех вещей, которые ее старому другу Хуго Эльвину удалось втиснуть в узкую кабину.

Транспортировка лодки превзошла все ожидания. С помощью лодочного прицепа это оказалось сделать вполне легко, при этом ни на ее джипе, ни на прицепе никаких треке-ров точно не было. Даже Мона-Джилл, которая всегда была такой любопытной, не стала задавать сотни дурацких вопросов, а совершенно спокойно восприняла объяснение, что это лодка старого друга и она несколько недель будет стоять на участке за ее домом.

А теперь она лежит здесь, сопоставляя в уме все улики, мысли, доказательства и идеи, которые собрал Эльвин. Она всегда начинала именно с этого, когда приходила на новое место преступления. Ложилась на спину на пол посреди комнаты с закрытыми глазами или смотрела в потолок. Только так она могла в тишине и покое подышать воздухом и наполнить все органы чувств той атмосферой, которая царила в помещении: она сохранилась в стенах, во всей мебели и вещах.

Лодка Эльвина была похожа на место происхождения в

концентрированной форме, хотя здесь и не было совершенно никакого преступления. Но она никогда еще не видела столько информации о разных зацепках, собранных улики и заметки в таком маленьком пространстве. Вероятнее всего, здесь было столько доказательств, что их хватило бы даже с излишком. Вопрос был только в том, как они найдут их среди всех посторонних деталей, пока не станет слишком поздно.

Муландер, вероятно, уже всю планировал контрудар в адрес Фабиана, а до этого они должны успеть найти достаточно информации для его ареста. Каким промежутком времени они располагают, знает только сам Муландер. Может, у них есть неделя, несколько дней, а в худшем случае вообще всего несколько часов.

Она встала и подождала, пока давление придет в норму, после чего начала медленно кружиться, круг за кругом, при этом позволяя взгляду блуждать вверх и вниз по всем предметам, чтобы охватить как можно больше деталей в этой переполненной вещами каюте.

Фабиан считал, что именно посадочные талоны из Берлина были главной причиной, по которой Муландер не видел другого варианта, кроме как лишить Эльвина жизни. Сама она не была уверена в том, что это достаточная причина для убийства друга. Конечно, талоны ставили под сомнение алиби Муландера. Но доказательством того, что это именно он был убийцей Инги Дальберг, они быть не могли. Ее опыт подсказывал, что это далеко не так.

Поэтому она пришла к выводу, что Эльвин нашел что-то совсем другое. Что-то абсолютно неоспоримое. Кроме того, это должно было быть что-то из последнего, что он обнаружил перед смертью, так как он не успел показать это кому-то еще в отделе и сделать все для того, чтобы Муландер был арестован. Это также означало, что чем бы это ни было, чисто логически оно должно было лежать на вершине одной из стопок папок и документов.

Сделав последний круг, она остановила взгляд на свернутом в трубочку документе формата А4, который стоял рядом с наполовину пустой бутылкой «Эксплорера». Она сняла резинку и развернула лист.

Это была распечатка карты, по-видимому, взятая с сайта Публичной кадастровой карты. Каких-либо названий на листе не было, только несколько пометок, показывающих расположение различных зданий, границы участка, а также какие-то непонятные каракули в стиле Эльвина.

Она решила подождать и пока не анализировать эту распечатку, а затем повернулась к открытой коробке из-под обуви, которая стояла рядом. В ней лежало несколько прозрачных пластмассовых сов, которые Эльвин, по словам Фабиана, использовал для прослушки Муландера.

Она подняла одну из сов и изучила углубление в ноге, которое Эльвин расширил для того, чтобы уместить в нем микрофон, передатчик и батарейку. Она отлично знала китайское оборудование для прослушивания. Оно было самым ма-

леньким по размеру на всем рынке с дальностью действия до тридцати метров, что означало наличие приемного устройства с привязанной сим-картой где-то недалеко от дома, где велась прослушка.

Она положила сову на место и взяла несколько фотографий, которые лежали, сваленные в кучу рядом с обувной коробкой.

Все они выглядели так, словно были с одного места преступления. Гостиная с акварелями на стенах, выполненными кем-то, кто прошел один или максимум два курса обучения «Научись рисовать с нуля», куча сувениров на полке камина, а также старый пухлый телевизор перед витражным окном, расписанным разными цветами. Вдоль одной из стен стоял огромный бежевый кожаный диван, а на полу у дымчатого цвета журнального столика из стекла лежала жертва, женщина.

Опять женщина.

Стуббс вздохнула и покачала головой. Когда она была моложе, то не размышляла так много о подобных вещах: просто еще одна жертва, что такого... Еще одно место преступления, которое она должна осмотреть, чтобы ее коллеги могли вычислить и арестовать еще одного преступника. Почти всегда это был мужчина.

Жертвой в подавляющем большинстве случаев становилась женщина, как только преступник оказывался с ней в близких отношениях, – на это она в последние годы нача-

ла достаточно остро реагировать. Факт оставался фактом: в этой стране не реже чем раз в три недели близким членом семьи совершается убийство женщины.

Эта женщина выглядела лет на шестьдесят. Она была немного полновата, и кроме носков, которые плотно сидели на мощных икрах, больше на ней одежды не было. Рядом лежала порванная цветастая блузка, разрезанная джинсовая юбка и пара порванных трусов.

Внутренняя сторона ее бедер была покрыта темными пятнами засохшей крови, которая стекала на ковер под ней, а из ее вагины торчало то, что не могло быть не чем иным, кроме как кочергой.

В папке с надписью «Убийство в состоянии алкогольного опьянения» под стопкой фотографий она увидела расследование от апреля этого года. Им занимались Сверкер «Утес» Хольм и Ирен Лилья, и казалось, оно никак не связано ни с одним случаем, о которых упоминал Фабиан в своем рассказе.

Здесь речь шла о жертве Керстин Оман, которая жила на Естрастургатан в Мунка-Юнгбю, недалеко от Энгельхольма вместе со своим мужем Конни Оманом.

По данным следствия, она несколько раз писала заявление в полицию о том, что подверглась нападению со стороны мужа, и каждый раз потом меняла свое мнение и забирала заявление. Но в ночь на 5 апреля, по-видимому, все зашло так далеко, что у нее не было времени ни написать заявле-

ние, ни забрать его.

Вместо нее в полицию позвонил сам Конни Оман, он проснулся на диване после очередной пьянки. Судебно-медицинская экспертиза показала, что у него на руках обнаружена кровь жены, а на его пенисе – выделения из ее влагалища. В целом все было ясно, таких случаев очень много в наше время.

Тем не менее Эльвин почему-то заинтересовался им, а она хорошо знала бывшего одноклассника: наверняка за его интересом стояло не просто смутное предположение.

И, конечно же, сам Муландер занимался осмотром дома, но это не могло говорить о том, что убийцей был тоже он. Возможно, он вел себя так, что Эльвин обратил внимание на его поведение.

Ей пришла в голову одна идея. Она подошла к коробке с содержимым стола Эльвина, отыскала календарь на текущий год и пролиستала его до первой недели апреля.

Пятого апреля был четверг, и в скудных заметках Эльвина можно было различить две отметки: 08.12 и 16.18, по словам Фабиана, они обозначали время, когда Муландер приезжал в полицейский участок и когда он позже в тот же день покидал его.

Шестого апреля было немного больше информации. В тот день Ингвар приехал в 09.07, что было почти на час позже, чем в предыдущий. Время ухода с работы указано не было, вероятно, потому, что он находился на месте преступления и

работал допоздна. Зато в клетке с этой датой было несколько типичных для Эльвина сокращений.

Керстин О, напад., изнас., пьян., муж Конни (?), отв. Утес, Лилья Е М.

Пока что ничто не выделялось и не привлекало ее внимание. Кроме нарисованных от руки смайликов. То тут, то там в календаре были разные смайлики, Фабиан не сумел найти разумное объяснение, зачем они были нарисованы. Но в тот момент, когда она увидела именно этот смайл, она вдруг поняла, что они означают.

Смайлик, который стоял в клетке следующего дня после дня убийства, был таким позитивным, улыбка была буквально до ушей.

Другими словами, Муландер был в хорошем настроении. В необычайно хорошем настроении.

Убийство Эстер Ландгрэн изменило все. Все были ошеломлены, пытались осознать все то, что только что услышали. Перед лицом абсолютного зла всем пришлось снова сесть в одну лодку. Даже принимая во внимание все предыдущие убийства, казалось, в этот раз преступник перешел незримую черту. Произошедшее потрясло даже Муландера.

Атмосфера была напряженной и удручающей одновременно, и все, кроме Утеса, казалось, хотели побыстрее покинуть кабинет и начать заниматься расследованием. Но никто ничего не говорил. Они просто сидели с опущенными головами и листали что-то каждый в своем телефоне в ожидании, когда Утес подключит ноутбук к проектору на потолке.

Никто не вел подсчет того, сколько времени это заняло, но точно немало, и вот компьютер наконец ожил и на потолке появилось изображение рабочего стола с фотографией собаки Утеса Эйнштейна, гонящейся за теннисным мячиком.

– Ну вот, все готово, – сказал Утес, вытирая пот со лба. – Поехали.

– Небольшой вопрос, прежде чем ты начнешь. – Муландер посмотрел на часы на руке. – Сколько времени это займет? Ты можешь быть спокоен. Я не собираюсь уходить. Но мы сидим здесь уже некоторое время, и я просто хочу сообщить о своих планах моим ребятам, они ждут меня в машине.

– Это займет столько, сколько займет. Поэтому я предлагаю начать, чтобы не тратить время впустую. – Утес улыбнулся Муландеру и повернулся к остальным. – Как вы все знаете, Леннарт Андерссон был заколот ножом днем в субботу шестнадцатого июня, когда стоял за прилавком в отделе с мясом в торговом центре «Ика Макси» в Хюллинге.

– Пожалуйста, не надо повторять все то, что мы уже знаем, – сказала Лилья.

– Я буду повторять то, что считаю нужным. Ни больше ни меньше. Так что, я думаю, будет лучше, если ты позволишь мне договорить. И я обещаю сказать тебе, когда можно будет вставить слово. Договорились? – Утес посмотрел на каждого из присутствующих, но все промолчали. – Ну, тогда, может быть, мы даже можем продолжить. – Он залпом допил остывший кофе. – Где я остановился?

– Андерссона ударили ножом в «Ика Макси», – сказала Лилья, закатывая глаза.

– Правильно, и все записи с камер наблюдения, на которых можно все это увидеть, мы уже просматривали не раз, и не два. Итак, что же я сделал: я просмотрел весь материал за неделю до убийства и до самого момента трагедии. Я вырезал несколько моментов с участием разных людей, которые, по моему мнению, вели себя подозрительно. Но поскольку у нас так мало времени, я решил сразу перейти к моему главному подозреваемому.

Прошло некоторое время, прежде чем Фабиан понял, от-

куда исходила вибрация в кармане его брюк, ведь его айфон лежал на столе перед ним. Это была старая «Нокия».

Утес нашел среди других файл с названием *Пятница 15 июня 2012 года* и поставил на воспроизведение запись, на которой с нескольких камер наблюдения было видно, как невысокий мужчина направляется к входу в «Ика Макси», на нем были поношенные синие джинсы, грязно-белые кроссовки, бордовая толстовка «Адидас» и надвинутая на глаза кепка с логотипом «Бильтема».

Пока Муландер и остальные сосредоточили внимание на записи, где человек в толстовке взял корзину с покупками и продолжил путь в магазин, Фабиан воспользовался возможностью вытащить «Нокию» и прямо под столом нажать на кнопку *Сообщения*, увидев СМС, которое оказалось от Гертруды Муландер.

– А что в нем такого подозрительного? – спросила Тувесон и тут же увидела косой взгляд Утеса. – Да что с тобой такое? Неужели нельзя просто задать вопрос? Мы ведь здесь как раз для того, чтобы задавать вопросы и вместе находить на них ответы. Иначе какой смысл вообще собираться?

– Я думал, мы торопимся. Но как знаешь. Сейчас все объясню.

Привет, Яльмар! Искренне благодарю за поздравления и прошу прощения за запоздалый ответ. Было бы здорово как-нибудь встретиться с тобой за чашечкой кофе и немного погрузиться в воспоминания. Поэтому, пожалуйста, дай

мне знать, когда в следующий раз выберешься за пределы Херби;)

Хорошего дня, Гертруда.

– Первое, что меня поразило, – это его манера двигаться, – продолжал Утес.

– Что в ней такого странного? – Лилья внимательно изучала мужчину, который проходил через отдел кухонной утвари. – Мне кажется, он абсолютно нормально себя ведет.

Что это было: приглашение или отказ? Фабиан не знал, как интерпретировать сообщение Гертруды, но все же написал короткий ответ, держа телефон под столом: *Я снова еду в Хельсингборг, и мы можем встретиться сегодня после обеда. Ты как?*

– Я бы сказал: все, – ответил Утес Лилье. – Ты только посмотри, как он ходит среди полок. А затем сравни с другими покупателями, и заметишь, что он двигается абсолютно неестественно.

Спасибо, но я умудрилась где-то простыть и сейчас лежу в постели с температурой, так что встретимся в другой раз. Но предлагаю списаться не через сто лет:)

Значит, Гертруда дома. Он может поехать к ней и попытаться убедить дать показания и даже предложить провести несколько ночей в отеле, пока все это не закончится.

– Вы заметили, как он постоянно прячет лицо, опуская голову, и поворачивается спиной к камере, – слышались слова Утеса, в то время как на видео мужчина стоял у полки с

мексиканской едой спиной к зрителям. – Видите? И не имеет значения, где висит камера.

– Утес, я думаю, мы поняли, – сказал Муландер. – Что скажешь, Фабиан?

– Верно. Здесь все понятно. – Он заставил себя улыбнуться, и в то же время воспользовался случаем, чтобы засунуть «Нокию» обратно в карман брюк.

– Все понятно? А мне ничего не понятно, – сказала Тувессон. – У меня, например, есть один вопрос: почему ты так уверен, что это он?

– Я же сказал, он показался мне подозрительным. Я не уверен, что убийца именно он, – сказал Утес. – Но дело в том, что все его поведение выглядит подозрительным. Посмотрите на это.

Мужчина на записи подошел к холодильнику с разными видами маринованной селедки.

– Кто сказал, что он покупает продукты на один ужин? – спросила Лилья. – Он мог купить такос на ужин, а селедку на завтрашний...

– Дело в том, что он не покупает продукты на обед или ужин, – перебил ее Утес. – Нет абсолютно никакой логики в его поведении, и в том, что он кладет в корзину, – тоже. Через некоторое время он вынул вегетарианские стейки из морозилки, а потом взял полкилограмма фарша.

– Может, его подружка вегетарианка?

– Да, может быть. Но как объяснить то, что он уже был

в овощном отделе и взял безумно дорогие органические помидоры, а чуть позже вернулся и положил в корзину явно накачанные всякой ерундой огурцы, несмотря на то, что органические были всего на две кроны дороже?

– Хорошо, – кивнула Тувессон. – Другими словами, он пришел туда явно не за покупками.

– Если это преступник, то, возможно, он там для разведки, – сказал Фабиан, пытаясь вести себя так, как будто он действительно принимал участие в обсуждении.

– Именно это я и предположил, – сказал Утес. – Но первое, что интересует преступника в таком случае, – это расположение камер, а он за двадцать две минуты, которые провел в магазине, ни разу не поднял глаза к потолку. Кроме того, он не доставал телефон, чтобы сфотографировать что-нибудь или спланировать путь к отступлению, когда потом окажется за прилавком с мясом.

– Так что же он тогда там делал? – спросила Лилья, которая уже начала проявлять нетерпение.

– Спасибо, что спросила. Именно над этим я думал довольно долго. И после изучения этой нарезки видео, не знаю, сколько раз я ее просмотрел... Я пришел к выводу, что он просто ходит и ищет.

– Ищет что? – спросила Тувессон.

– Мы дойдем до этого. – Утес сделал останавливающий жест рукой. – Но сначала я хочу спросить, заметил ли кто-нибудь из вас, как он некоторое время назад стоял в стороне

у лотка с молодой картошкой и пристально смотрел на другого покупателя? А именно, на даму во всем синем, которая нюхала и ощупывала каждое манго, которое было в магазине.

– Да, точно! Я ее заметила! – сказала Лилья. – У нее даже очки синие. Но о том, что он делал, я не думала.

– А я подумал, и сейчас он делает то же самое. – Утес указал на подозреваемого, который стоял у холодильника с селедкой и наблюдал за другим мужчиной, который отошел от лотка с клубникой и поспешил к прилавку с мясом.

– И что тут такого? – спросила Тувессон. – Он просто стоит и смотрит на народ.

– Как я уже сказал, мне кажется, он ищет.

– Да, и мы это уже слышали. Вопрос в том, что он...

– Жертву, – отрезал Утес. – Он ищет следующую жертву.

В один миг атмосфера в кабинете изменилась. Никто из них не сказал ни слова, повисла абсолютная тишина. Фабиан и все остальные пытались проанализировать увиденное, приходя к осознанию того, что, возможно, в теории Утеса действительно что-то есть.

– Но подождите, – наконец сказала Тувессон. – Зачем ему искать свою жертву?

– Ладно, скорее не «искать», а «выбирать» – так будет точнее.

– Искать, выбирать, какая разница? – пожала плечами Тувессон. – Леннарт Андерссон ведь стоит за прилавком с мя-

сом. Надо просто подойти туда, и он сразу его увидит.

– Я хотел сказать, что он пока еще не осознает этого. Я не думаю, что в тот момент он уже решил, кто это будет. – Утес вылил последние капли кофе из термоса себе в чашку. – Кроме того, Леннарт встанет за прилавок не раньше чем через три с половиной минуты. А теперь взгляните на это. – Он кивнул в сторону видеозаписи, на которой мужчина все еще стоял у холодильника. – Сначала я думал, что он стоит и выбирает, какую селедку взять. Но он занят отнюдь не этим. Он смотрит не на банки с рыбой, а на мужчину в белых шортах, который стоит рядом вместе со своим сыном.

– Подождите, разве это не Эрик Якобсен? – Тувессон повернулась к Фабиану, который кивнул.

Без сомнения, это был Якобсен и его сын Рутгер, по-видимому, совершенно не подозревавшие, что они рискуют стать следующими жертвами преступника. Значит, их пути пересеклись не только в деле Молли Вессман, но и в этом.

– Если все так, как ты говоришь. Что он там, чтобы выбрать новую жертву, – сказала Тувессон. – Что же тогда заставило его в конце концов выбрать Леннарта Андерссона, а не кого-то другого?

– Хороший вопрос. Честно говоря, понятия не имею. Может быть, ему просто кто-то из них не понравился или раздражал, откуда мне знать?

– Скорее я думаю, у него есть план того, как должно пройти само убийство, – сказал Муландер как раз в тот момент,

когда подозреваемый достал что-то из правого кармана. Это что-то блеснуло на свету, прежде чем он закрыл предмет ладонью. – И на этом видео он просто ходит и ищет наиболее подходящую жертву.

– Тогда ему, вероятно, следует поискать у прилавка, а не во всем магазине, – сказала Тувессон.

– Или он просто ищет кого-то, кто сильно отличается от других жертв, – сказал Утес.

Тувессон кивнула.

– Фабиан, что скажешь?

Фабиан в этот момент думал о том, что подозреваемый только что вытащил что-то из кармана, но успел лишь повернуться к Тувессон, когда вмешалась Лилья.

– Минуточку, вы видите то же, что и я? – Она указала на подозреваемого, чья правая рука слегка дрожала. – Выглядит так, как будто он стоит и... играет в карманный пинг-понг.

– К сожалению, не думаю, что ему так уж весело, – сказал Утес. – Мне кажется, у него что-то вроде нервного тика. На видео он делает так несколько раз, и тогда можно увидеть, что рука свободна и не находится в штанах.

– Но, Утес, если я правильно тебя поняла... – вставила Тувессон. – Ты хочешь сказать, что он ходит по магазину и выбирает себе жертву совершенно без какого-либо мотива?

– Да, похоже на то. – Утес повернулся к Фабиану: – И это именно то, о чем ты говорил, верно? Что нет никакого мо-

тива.

Фабиан кивнул, хотя даже для него самого это звучало странно. Но другого объяснения он найти не мог.

– Я просто не понимаю, зачем ходить по торговому центру и лишать жизни какого-то совершенно незнакомого тебе человека без какой-либо причины, – сказала Тувессон.

– Может быть, потому, что он думает, что это весело, и получает от этого удовольствие. По крайней мере, ты сказал именно так. – Фабиан повернулся к Муландеру.

– Я? Нет, когда я мог такое сказать? – Муландер покачал головой.

– Хорошо, но ведь сам выбор все равно должен был быть сделан каким-то образом. Есть мотив или нет. Я имею в виду, это же не могло быть случайностью.

– Как знать. Почему бы и нет? – сказал Муландер.

– Потому что что-то, очевидно, заставляет его выбирать эту жертву, а не другую, и если мы сможем понять, как это происходит, мы сможем выяснить, кто следующий. Что скажешь, Фабиан? Ты сегодня необычайно молчалив.

– Правда? – спросил Фабиан, в то время как его мысли снова вертелись вокруг того, что подозреваемый держал в руке на записи с камер наблюдения. Может, разгадка именно в этом?

– И ты туда же. – Тувессон повернулась к Лиле, которая сидела с полуоткрытым ртом и смотрела прямо перед собой. – Ты тоже давно уже молчишь. – Она наклонилась

вперед и помахала рукой перед лицом Ирен. – Эй, я с тобой разговариваю.

Лилья пришла в себя, но повернулась не к Тувессон, а к Утесу.

– Ты можешь еще раз прокрутить запись?

– Конечно. С самого начала или...

– Нет, с того момента, когда он стоит у холодильника и поворачивается к мужчине с бородой.

– Конечно. Нет проблем. – Утес отодвинул ползунок, после чего запись начала воспроизводиться с того места, когда подозреваемый обернулся и посмотрел на человека позади себя.

– Остановись и увеличь его лицо.

– Ирен, я знаю, что ты имеешь в виду. Но это не поможет. Я уже пытался. – Он наклонился к своему открытому ноутбуку, навел курсор мыши на нужное место и увеличил лицо подозреваемого, которое было наполовину скрыто тенью под надвинутой на глаза кепкой. – Здесь, конечно, видна часть лица, и мне кажется, он откуда-то из Азии, но не больше...

– Это он, – Лилья встала. – Это он. Я его узнала.

– Кто «он»? – спросила Тувессон. – О чем ты?

– Он был у меня на допросе всего полторы недели назад.

Слейзнер только достал отмычку и собрался вставить ее в замок квартиры в Вальби недалеко от Копенгагена, как его телефон издал сигнал о том, что получено электронное письмо.

От: michael.ronning@politi.dk

Кому: kim.sleizner@politi.dk

Тема: Обновление системы безопасности телефонов

Как сообщалось в предыдущих письмах, сейчас мы проводим серию обновлений системы безопасности мобильных телефонов, принадлежащих некоторым ключевым сотрудникам полиции. Поскольку вы являетесь одним из них, то я выделил вам время в среду, 13:00. В случае, если вы не свяжетесь со мной до этого момента, то я по умолчанию жду вас в моем кабинете в указанное время. Обновление занимает около 120 минут.

С наилучшими пожеланиями,

Майкл Реннинг, ответственный ИТ-менеджер.

Как сообщалось в предыдущих письмах. А он начал разговаривать совсем по-другому, этот айтишник! Выделил вам время. Конечно, он уже получил несколько писем об этом проклятом обновлении системы безопасности и, конечно же, проигнорировал их, как любой другой спам. Но это не дает этому придурку право быть таким нахальным. Я жду вас в

моем кабинете. Кем, черт возьми, он себя возомнил?

Разумеется, он позволит им провести это обновление на своем телефоне. Но он хочет сделать это, когда будет удобно *ему*, а не какому-то идиоту из отдела безопасности. Ну вот когда ему найти время сидеть без телефона два часа?! Кроме того, ему нужно будет скопировать содержимое всех папок на компьютер, чтобы потом удалить все, что не предназначено для посторонних глаз.

Слейзнер сунул телефон в карман и принялся орудовать отмычкой в замке. Прошло по меньшей мере сорок лет с тех пор, как он в последний раз пользовался отмычкой. И все же это было как будто вчера: маленький мальчик опустошает все свои копилки и обменивает мелочь на немецкие марки перед путешествием по Европе.

У него был план тайно купить нож-стилет. Не для того, чтобы использовать его. Он просто держал бы его в кармане и периодически вынимал, чтобы убедиться в том, что он работает. В Карлсруэ ему наконец-то удалось избавиться от родителей, и он нашел магазин с самой большой коллекцией ножей, которую он когда-либо видел. У них были не только стилеты, метательные ножи и мачете. У них даже были керамбиты, его самый любимый вид ножей.

Но внезапно он увидел на витрине отмычку, конечно же, купил ее и, вернувшись домой из отпуска, чувствовал себя королем: в кармане у него словно была волшебная палочка. На протяжении большей части своего детства и юношества

он был способен открыть практически любую дверь. Навеститься к соседям, у которых дома всегда были сладости, а иногда даже наличные. К девушке, когда таковая у него имелась, чтобы порыться в ее вещах. Или вечером в учительскую, чтобы списать вопросы к завтрашней контрольной.

Но однажды сосед поймал его с поличным, когда Ким рылся в самом дальнем ящике шкафа, в котором соседи хранили свои сбережения.

После нескольких сильных затрещин ему был предоставлен выбор. Либо они идут и рассказывают обо всем его отцу, как только тот вернется с работы, либо расстегивают ширинки и спускают штаны. Выбор был очевиден, даже несмотря на то, что еще в течение нескольких месяцев после этого он чувствовал себя грязным.

С тех пор он больше никогда не пользовался отмычкой. До этого момента. Но это было похоже на езду на велосипеде. Если вы однажды научились, то уже никогда не разучитесь.

Замок щелкнул, и он смог осторожно открыть дверь, чтобы войти в маленькую квартирку и прикрыть ее за собой.

На двери было написано *Тор Риндфлюгт*, но он сразу почувствовал знакомый запах в тесном темном коридоре: он пришел по адресу. Именно здесь жил любитель слонов китаец Цян Ху. Или Цян-Вэй Хитому Ойсин, как было написано в регистре народонаселения, что объясняло, почему он не нашел его ранее.

Теперь этот вопрос был решен. Все получилось именно

так, как ему надо было, и хотя он все еще чувствовал некоторое беспокойство по поводу того, чем занималась Дуня, оно уже было не таким сильным и не занимало все его мысли. Он вернул себе контроль над ситуацией, он снова был в игре, он был игроком, с которым нужно считаться, а ведь он так долго сидел на скамейке запасных.

Как он и подозревал, китаец был рабом концерна «TDC». Добрый друг Кима генеральный директор компании Стиг Полсен без возражений предоставил ему доступ к спискам сотрудников. Через полтора часа он нашел уродливую морду поклонника слонов, чей настоящий домашний адрес был вовсе не на улице Блогардсгаде, а в Вальби, на улице Сильвиавей, дом 22, четвертый этаж.

Он прошел в маленькую, но симпатичную кухню и отметил, что в квартире не было ванной, потому что душевая кабина стояла рядом с раковиной. Обстановка была как в студенческой общаге, но если тебе двадцать лет и ты веришь в мир во всем мире, то такая квартира покажется даже милой. Однако если ты взрослый толстый китаец, который фанатеет от слонов и ездит на электрическом моноколесе, то выглядело это уже весьма жалко и ущербно.

Он надеялся, что именно здесь и живет Дуня. Что они на время поменялись квартирами: она и придурок китаец. Тогда эта давняя история наконец-то закончится так, как она того заслуживает. Но он не увидел следов Дуни. Ни брошенной в кучу одежды на полу, ни грязной посуды, ни старого

мусора. Наоборот: здесь был порядок, и каждая вещь находилась на своем месте. Например, несколько баночек с чаем, которые не только стояли идеально ровно у стены на кухне, но еще к тому же располагались в алфавитном порядке.

Он не мог объяснить почему, но внезапно почувствовал себя немного лучше после того, как поменял местами банки с надписями *Имбирный гуру чай* и *Имбирный лемонграсс*. Потом он прошел дальше в квартиру, в которой все еще было полно разных штуковин с изображением слонов, несмотря на то, что китаец давно не жил здесь. На полу в прихожей лежал ковер с нарисованным на нем слоном, а в гостиной висела люстра, которая представляла собой пять хоботов с лампочками на концах.

Везде виднелись подносы с обгоревшими палочками с благовониями, и это можно было считать еще одним признаком того, что Дуня явно не жила здесь. Он, конечно, не был до конца уверен, но очень удивился бы, если бы она оказалась любительницей благовоний.

Он оказался в тупике. Нужно было это признать. Он уже решил сдаться и уйти из квартиры, когда, выходя из гостиной, заметил рюкзак кричащей неоновой расцветки, который лежал на кресле в дальнем углу.

Это был один из самых безвкусных рюкзаков, которые он когда-либо видел, и именно поэтому он вспомнил, что заметил его однажды, когда просматривал записи с камер наблюдения офиса Данскебанк в Мальмё, в котором Дуня снимала

деньги. Тогда он висел на плече у худого индийца, который помогал ей в банке. Значит, это он жил здесь.

Наконец-то все встало на свои места, и он сразу почувствовал, как хорошее настроение возвращается к нему. Таким образом, китаец был в контакте с индийцем, который, в свою очередь, был в контакте с Дуней, а это означало, что он еще на шаг приблизился к ней.

На шаг ближе к концу всего этого кошмара.

Он просмотрел содержимое рюкзака и заметил, что в нем, к сожалению, не было денег, а только продолговатый пакет с благовониями и папка с документами, которую он достал и открыл. В ней лежало несколько плохого качества и в некоторых случаях сильно размытых снимков, сделанных в квартире.

Его квартире.

Лилья рылась в своих папках и кучах документов, разных бумажек, которые лежали стопками прямо на полу, когда Утес вошел в ее кабинет вместе с Тувессон и Муландером, каждый с чашкой свежесваренного кофе в руке.

– Кстати, а куда делся Фабиан? – Утес повернулся и выглянул за дверь.

– Он вынужден был уехать и вернется только завтра, – сказала Тувессон и закрыла дверь.

– Уехать? Он не может просто взять и уехать сейчас, когда у нас расследование в самом разгаре...

– У него есть на это свои причины, – перебила его Тувессон и повернулась к Лилье: – Как успехи?

– Он должен быть где-то здесь. – Лилья одной рукой вытащила из стопки папку с документами, а другой поддерживала так, чтобы ее содержимое не вывалилось на пол. – Я же знаю, что он здесь.

– Он должен навестить сына, который находится под арестом в Хельсингёре, – сказал Муландер.

– Теодор? Он арестован? Что ты такое говоришь? – Утес повернулся к Муландеру. – За что?

– Разве ты не слышал? Он был арестован по делу Лиги...

– Он ездил туда, чтобы дать показания, это все, что нам известно, – перебила его Тувессон. – Ирен, ты не могла бы

просто взять и рассказать нам, что ты ищешь?

Не отвечая, Лилья быстро просмотрела первые документы в папке, прежде чем бросила ее прямо на пол и начала бить себя по лбу ладонью.

– Ирен, мы все очень заняты.

– Точно! – Лилья поспешила к заваленному папками и другими вещами столу. – Вот. Вот он. – Она протянула папку с надписью *(Не)интересные допросы*.

Тувессон открыла ее и внимательно посмотрела на распечатку отсканированных водительских прав. – Понтус Хольмвик. И кто же это?

– Он был здесь, у меня на допросе. Его машина засветилась на одной из записей с камер наблюдения в Бьюве, она была припаркована буквально в двух шагах от прачечной, где был убит Муниф Ганем. Я думаю, что на записи даже видно, как машина уезжает оттуда примерно через полчаса после убийства.

– Он азиат?

Лилья кивнула и повернулась к Утесу.

– Разве ты его не помнишь?

Утес покачал головой.

– Нет? Это же ты велел мне допросить его.

– Да ладно?

– Да, когда Астрид была в реабилитационном центре, а ты заменял ее. Ты даже приходил сюда в самый разгар допроса. Я не понимаю, как ты мог это забыть? Ты же только что опо-

знал Ассара Сканоса.

– Точно, ты сказала, и я сразу вспомнил! – Утес просиял. – Я хотел допросить каждого, кто вел себя хоть немного подозрительно. А ты, мягко говоря, злилась и была против всей этой затеи.

– Ты был прав. А я ошибалась. Мы можем сейчас не говорить об этом и просто двигаться дальше?

– Не то чтобы это было так уж важно. – Муландер подошел к остальным. – Но на самом деле это я обратил внимание на эту машину, и, если правильно помню, я проверил номер и узнал, что машина была взята в аренду, что сделало ее еще более интересной.

– Совершенно верно. В «Херц», на улице Густав Адольфсгатан в Середсити.

– Густав Адольфсгатан? – Тувессон повернулась к Муландеру: – Не там ли, неподалеку от улицы Карла Крукса, ты определил местонахождение Сканоса по его номеру телефона?

– В любом случае, это недалеко оттуда.

– Вы хотите сказать, что Понтус Хольмвик и Ассар Сканос контактировали друг с другом? – спросила Лилья.

– Это также может быть совпадением, – пожала плечами Тувессон. – Но давайте поищем по его номеру социального страхования и посмотрим, сможем ли получить адрес.

Лилья села за компьютер.

– Его номер 790825–3324, – продолжала Тувессон.

Лилья ввела цифры, но снова быстро подняла глаза от экрана.

– Нет никого с таким номером.

– Странно. – Утес подошел к ней, чтобы увидеть все своими глазами. – Разве в «Херц» не должны были обнаружить это, как только они забили номер в свою систему?

– Это было бы логично, – сказал Муландер. – Но, честно говоря, мы ведь тоже его не проверили.

– Это моя вина, – сказала Ирен.

– Скорее всего, они заполняли бумаги от руки, и поэтому с номером проблем не возникло. – Муландер взял папку и просмотрел ее. – Кроме того, не многие способны отличить поддельные водительские права от настоящих.

– Думаешь, эти его права – подделка? – спросила Лилья.

– А что это еще может быть с таким номером? Лучший способ – кинуть их на рабочий стол с высоты нескольких дециметров и послушать, как они будут падать.

– Что послушать?

– Пластик, он бывает разный. В настоящих правах он звучит более твердо, что ли.

– Поддельные они или нет, но ты должна была каким-то образом связаться с ним, – сказала Тувессон.

– Да, я позвонила в компанию «Херц», где мне дали его имя и номер телефона. – Лилья ткнула пальцем в свои записи. – Это написано вот здесь.

Тувессон, Утес и Муландер обменялись взглядами.

– Вы хотите сказать, что я должна позвонить ему еще раз?

– Нет, уж лучше определить его местоположение и позвонить специальному отряду окружить его. Что скажешь? – обернулась Астрид к Муландеру.

– Конечно, мы можем это сделать. Но не ждите, что это что-то даст. Учитывая все то, в чем он преуспел до сих пор, мне кажется, он избавился от этой сим-карты сразу после допроса Ирен. Кроме того, меня ждет осмотр места убийства, который займет несколько часов.

– Хорошо, но, как только у тебя будет время, я хочу, чтобы ты хотя бы попробовал. – Тувессон повернулась к Лиле: – Когда ты его допрашивала, как он объяснил, почему в это время находился в Бьюе?

– Он делал фотографии для разных фонов или что-то в этом роде. – Лиле взяла папку и стала просматривать свои записи. – Точно, вот оно. «ПэтФрэйм». Как я поняла, люди присылают фотографии своих домашних животных, а он вырезает их и накладывает на новый фон.

– И берет за это четыре тысячи крон, – сказал Муландер, не отрывая глаз от мобильного.

– Ты нашел его сайт?

Муландер кивнул.

– Как и следовало ожидать, здесь нет ни данных об ИП, ни адреса, ни телефона. Единственное, что я вижу, – электронный адрес с доменом его сайта.

– Может быть, мы сможем отследить его по платежам, –

сказал Утес.

– Согласно информации на его сайте, он использует наложенный платеж, что затрудняет поиск, потому что мы не знаем, на какое имя он отправляет посылки. Лучше всего было бы, если бы у нас был доступ к самой учетной записи электронной почты, и мы могли бы сделать поиск в обратном направлении через клиентов.

– Это займет не меньше недели, – сказал Утес. – Вопрос в том, сколько новых жертв и расследований у нас появится за это время. Я предлагаю объявить его в розыск.

– Тогда мы рискуем, что он покинет страну и просто исчезнет навсегда, – сказала Тувессон. – Не знаю, как у вас, но у меня такое чувство, что мы очень близки к разгадке.

– Ну как близки... – сказал Муландер. – У нас есть его лицо и поддельный номер социального страхования. И это все.

– Я поговорю об этом с Хегсель, посмотрим, что она скажет. Но я буду очень удивлена, если она не согласится со мной в том, что лучшее, что мы можем сделать сейчас – это держать все в тайне и не объявлять его в розыск. – Тувессон собралась уходить.

– Еще кое-что, прежде чем мы закончим. – Утес повернулся к Лилье: – Тот сосед в твоём подъезде, как его звали?

– Какой сосед?

– Ну, тот, что живет рядом с тобой, чья фамилия нам обоим показалась знакомой, но мы оба не могли вспомнить, от-

куда ее знаем.

– А, ты про это... П. Милвох, с «х» на конце. Почему ты об этом вспомнил?

– Буквы те же, только в другом порядке.

– Что? – Лилья переводила взгляд с Утеса на остальных и обратно.

– Да, П. Милвох и П. +++++Хольмвик.

– А, ты про фотографа?

– Да. – Утес подошел к доске на одной из стен, написал две фамилии друг над другом и провел линию между каждой буквой, все совпадало.

Лилья посмотрела на эти фамилии так, словно не могла поверить, что это правда. Но они действительно совпадали по всем буквам. Утес был прав. Каждой букве соответствовала такая же в другом слове. «Х» в одной фамилии совпала с «х» в другой. То же самое касалось «л», «м», «в».

Как бы сильно они ни хотели этого, это не могло быть простой случайностью.

Гертруда Муландер ясно дала понять: ни при каких обстоятельствах она не хотела ни встречаться с ним, ни вообще выходить на контакт. Фабиан, конечно, понимал, почему она так себя ведет. Ведь это он пришел к ней со своими вопросами, которые перевернули с ног на голову весь привычный уклад ее жизни. До этого она жила в убеждении, что все идет как надо, а теперь ей вдруг пришлось осознать, за кого она когда-то вышла замуж и прожила столько лет вместе.

Сейчас она болела, лежала в постели, а он снова собирался непрошеным гостем явиться к ней домой. Возможно, это был его шанс, может быть, даже самый последний из всех шансов. Он должен дать ей понять, что она больше никогда не будет в безопасности в собственном доме. Что ей нужно уезжать отсюда как можно скорее. Поэтому он ушел из полицейского участка на час раньше, чем было запланировано.

Что касается Ингвара Муландера, то он наверняка не забывал поглядывать на специальный экран, который показывал местоположение машины Фабиана, и скорее всего, также отслеживал положение его телефона. Поэтому Фабиан припарковал машину у дома, оставил телефон в бардачке и попросил Соню чуть позже сесть за руль и доехать до парома. Сегодня они должны были впервые отправиться к Теодору в Хельсингёр.

Сам он пошел пешком до Коппармеллеплацен, где сел на автобус № 2, чтобы через двадцать пять минут выйти у Рамлеса Брунн. Он пошел по рельсам, миновал ресторанчик «Рамлеса Вок-Экспресс», на веранде которого он чуть больше недели назад столкнулся с Гертрудой, как раз когда слушал рассказ ее соседа об убийстве его жены, Инги Дальберг.

Это было самое неподходящее время для их встречи, и Гертруда сразу же узнала, что расследование возобновлено. Она, конечно, удивилась тому, что ни она, ни ее муж ничего об этом не слышали. С того момента это был лишь вопрос времени, когда Муландер узнает о том, что происходит.

Улица Линдхульцгатан находилась всего в нескольких сотнях метров, и когда он завернул за угол, то увидел, что у него осталось всего двадцать минут, прежде чем он должен будет вернуться в город, чтобы встретиться с Соней.

Фабиан прошел к дому и сразу заметил, что ни машины, ни велосипеда Гертруды перед ним не было. Оказавшись у входной двери, он позвонил в звонок и немного подождал. Может быть, она спала. Он перегнулся через перила крыльца к кухонному окну. Свет в кухне был выключен. При этом не было видно ни остатков еды, ни тарелок, ни стаканов. Ничего. Раковина была идеально чистой, она так блестела, что в нее можно было смотреться как в зеркало.

Гертруда относилась к тому типу домохозяек, которые содержат дом в идеальной чистоте. Вероятно, она была одной из последних в своем поколении. И все же было в этом что-то

такое, что заставило его обратить внимание на чистую, как в рекламе, кухню, натянуть кожаные перчатки и вытащить связку ключей, которые он очень давно нашел в ящике стола Хуго Эльвина.

Он уже знал, к каким замкам подходят три из них, это означало, что остальные четыре все еще были под вопросом. Два из них были помечены зеленой тканевой лентой с написанным от руки вопросительным знаком. Два других обозначены белой лентой с нарисованной рыбой на одном и шестизначным кодом 759583 на другом, и так как слева от двери имелся длинный узкий кодовый замок с двумя столбцами цифр, то он начал с ключа с кодом.

Ключ без проблем проскользнул в замок. По крайней мере, поначалу. Фабиан попытался вставить его до конца, что после нескольких активных попыток наконец удалось сделать. Повернуть ключ, однако, не получилось. Он попробовал сделать это в обе стороны, то с большей, то с меньшей силой. Важно было не сломать ключ. Второй ключ с белой пометкой вообще не подошел, то же самое касалось ключей с зелеными маркировками.

Он наконец сдался и пошел к задней части дома, потом вверх по деревянному настилу мимо гриля, который в духе Муландера стоял накрытый специальной тканью рядом с садовыми стульями, прислоненными к столу на случай, если начнется дождь.

Никто в этом доме не полагался на волю случая. Все бы-

ло в порядке и под контролем. Электрический гул, который внезапно слышался у него под ногами, заставил его инстинктивно схватиться за пистолет, но потом он понял, что это роботизированная газонокосилка, которая выезжала из своего специального места для зарядки под нижней ступенькой настила.

Он подошел и встал у двери на террасу, заслонив руками лицо, чтобы заглянуть внутрь. Гостиная выглядела как обычно. Ковер, мебель, занавески – все было бежевого цвета, на стенах безвкусные картины с изображениями птиц и засушенные цветы.

Здесь ключ с белой пометкой и шестизначным кодом без проблем проскользнул в замочную скважину и так же легко провернулся. Оказавшись внутри, он осторожно закрыл за собой дверь и прислушался. Его встретила тишина.

На одной из стеклянных полок в шкафу стояла коллекция хрустальных сов Гертруды, в точности так, как и тогда, когда он был здесь в последний раз. Среди них он увидел сову с прослушивающим устройством Эльвина. Во многих отношениях это было слишком очевидное место, ведь речь шла о прослушке в доме опытного криминалиста. С другой стороны, коллекция сов была целиком и полностью в ведении Гертруды, поэтому Муландеру и в голову не приходило посмотреть на эту полку.

Он прошел в сторону спальни и тихонько постучал в закрытую дверь, раздумывая, что скажет в случае, если там

кто-то есть. Но после того как в очередной раз ответом ему была одна лишь тишина, он нажал на ручку и открыл дверь.

Он не знал, чего еще ожидать, скорее всего, она просто спала в своей постели. Но кровать была заправлена, а подушки разложены на ней аккуратно, как в гостинице. На стуле в углу не было брошенной одежды. Нигде не было видно ни носовых платков, ни стаканов с водой, ни таблеток. Гертруды здесь тоже не было.

В послании она недвусмысленно написала, что находится дома и лежит в постели. Была ли она где-то в другой комнате или все это было просто... Может, на самом деле ему отвечал Муландер? Неужели он взял ее телефон и во время совещания сидел напротив и набирал ответ, чтобы никто не узнал, что ее нет?

Здесь, бесспорно, была проведена большая генеральная уборка.

Он подошел к той стороне кровати, которая, судя по всему, принадлежала Гертруде, и выдвинул ящики тумбочки. Сначала верхний, потом нижний. Оба были пусты. То же самое с комодом и двумя платяными шкафами на ее стороне комнаты. Везде было пусто, одежды не было. Пахло моющими средствами, и когда он провел указательным пальцем по дну шкафа, он не увидел на нем ни малейшей пылинки.

Неужели он таким образом удалил ее из своей жизни? А теперь ходил как ни в чем не бывало? Как будто ее никогда и не существовало. Но когда он успел это сделать? Не про-

шло и полутора суток с того момента, как они поссорились в гостиной, и, по словам Муландера, он провел всю ночь в лаборатории полицейского участка.

Судя по записи, Ингвар был в шоке и ярости от того, как много знала Гертруда. Это делало менее вероятным тот факт, что у него имелся тщательно продуманный план того, что он будет с ней делать, и ему пришлось импровизировать.

Фабиан подошел к второй тумбочке, на которой лежал старый учебник физики, знакомый ему еще со школьных лет. Между страницами торчал листок бумаги, он пролистал до страницы, на которой, вероятно, остановился коллега. Это была середина главы по электротехнике со множеством блок-схем, формул и различных расчетов на каждой странице. На полях было несколько строк, написанных от руки.

Самоионизирующийся. Проводимость. Гидроний: HO^- (гидроксид), H_3O^+ (тригидроксид)

Несомненно, это был почерк Муландера.

$$200\text{ л}/24\text{ ч} = 8,33\text{ л}/\text{ч}/60 = 0,14\text{ л}/\text{мин}$$

Но что именно означали эти записи, понять было крайне сложно.

Импеданс тела = сопротивление кожи + внутреннее сопротивление тела = прибл

$$1000\Omega$$

Может ли это иметь какое-то отношение к его плану по поводу Гертруды?

$> 50 \text{ мА. } X \text{ сек} \rightarrow \dagger$

Он выбежал из спальни и стал открывать все двери, какие только мог найти. Дверь в небольшую кладовку, в которой было полно зимней одежды, обуви и чистящих средств, в гостевой туалет со старым мылом в мыльнице на магните рядом с раковиной, а также в небольшой кабинет, который был совмещен с гостевой комнатой, с кроватью, письменным столом и стационарным компьютером.

Внизу в подвале располагались котельная и прачечная с большим входом прямо из сада. Кроме стиральной машины и сушилки там была раковина, которая была так же вычищена до блеска, как и все остальное в доме. На крючке висела пара грубых забродных штанов для ловли рыбы нахлыстом, а на полках вдоль одной из стен располагалась внушительная коллекция вин.

Последняя дверь в подвале была сделана из металла и не имела ни ручек, ни замочной скважины.

– Ау! Гертруда, ты здесь? – крикнул он и забарабанил в дверь что есть силы. – Это Фабиан! – Он прижал ухо к холодной металлической поверхности, но ничего не услышал.

Но в стене за ним с правой стороны он обнаружил небольшое отверстие, и когда осторожно просунул в него палец, то понял, что там есть люк, который можно открыть. Там внутри был спрятан кодовый замок с цифрами от 0 до 9.

Он вытащил ключ с шестизначной последовательностью цифр, и после того как ввел код, послышалось легкое жужжа-

ние, металлическая дверь отодвинулась в сторону и исчезла в стене. Помещение внутри напоминало небольшой музей, полный стеклянных витрин и разных полок.

Два года назад он был здесь. Муландер и Гертруда пригласили каждого сотрудника отдела со своей второй половиной на барбекю, несмотря на то, что они плотно занимались расследованием, которое требовало от них все больше сил. В тот раз Лилья показала ему этот подвал, дверь маленького музея была открыта. Здесь было все: от разных пистолетов и ножей до маленьких стеклянных бутылочек с ядовитыми веществами. Она даже показала ему коллекцию деформированных пуль, которые настигли своих жертв.

Он открыл встроенную морозильную камеру, которая была заполнена различными банками, маленькими прозрачными пластиковыми пакетами и прочим, все они были помечены разными цифрами и буквенными кодами.

По словам Лильи, все эти предметы остались от завершенных расследований. Ирен считала, что именно эта особая тяга к коллекционированию наряду с занудством и дотошностью делали Муландера таким талантливым криминалистом. В этом, конечно, что-то было, хотя это также могло объяснить тот факт, почему он стал серийным убийцей.

Потребовалось бы несколько часов, чтобы осмотреть все хранящиеся здесь предметы, но сейчас речь шла о Гертруде. К сожалению, ее здесь не было, и, насколько он мог видеть, ее следов здесь тоже не имелось.

Он опоздал. Он чувствовал это. Вопрос был только в том, как Муландеру удалось незаметно вытащить ее тело из дома. Если он это сделал.

Гараж. Почему он не подумал о нем?

У него в голове возникли картины одна страшнее другой. Что бы Муландер ни сделал с женой, это точно происходило в гараже. Именно там у него была мастерская. Именно там хранились все его инструменты, и именно там он мог спокойно работать до поздней ночи.

Он поспешно вышел из помещения и поднялся по лестнице, прошел через гостиную к двери во внутренний дворик. Перед глазами у него возникла картина: Муландер загоняет машину внутрь гаража, чтобы без свидетелей погрузить в багажник черные мешки для мусора с частями тела.

Заперев за собой дверь, он поспешно прошел по настилу, потом спустился на лужайку, где все еще косила траву газонокосилка. Боковая дверь в гараж оказалась незапертой, и, как он и предполагал, там стоял потертый верстак с тисками. Там также были пилы, молотки и плоскогубцы, все они висели на предназначенных для них крючках, а на одной полке лежала дрель рядом с циркулярной пилой и несколько рулонов черных полиэтиленовых мешков.

Но никаких следов крови он не увидел. Ни на верстаке, ни на полу под ним, ни на разного диаметра дисках от пил. Нигде он не нашел ни одного высохшего пятна крови. На верстаке у катушки с белым электрическим кабелем лежал

сложенный пополам лист бумаги. Он подошел к нему, развернул и начал читать.

Ингвар,

Я не знала, куда положить это письмо, чтобы ты нашел его как можно быстрее. В последнее время ты был так занят, что мы едва успевали видеться, а те редкие часы, что ты был дома, ты проводил либо в подвале, либо здесь, в мастерской.

Наверное, ты сейчас думаешь о том, как трусливо с моей стороны говорить то, что у меня на сердце, и в то же время не смотреть тебе в глаза. Но правда в том, что я не в состоянии этого сделать, я боюсь. Да, я действительно боюсь того, что ты можешь сделать.

У тебя всегда была некая темная сторона, темперамент, который делал тебя таким вспыльчивым, что ты временами оказывался на грани насилия. Я отдавала себе в этом отчет с тех самых пор, как мы встретились. Даже мой отец предупреждал меня об этом и хотел, чтобы я ушла от тебя. Но я гнала от себя эти мысли и хочу, чтобы ты знал – я никогда не чувствовала угрозы с твоей стороны. До этого воскресенья.

Ты ничего не сделал, но подумал. Я видела это в твоих глазах, и никогда еще мне не было так страшно, как тогда. Ты, наверное, думаешь, что я преувеличиваю и веду себя как истеричка. Но, как бы то ни было, это, вероятно, было именно то, что нужно для того, чтобы я наконец решилась сделать этот шаг.

Тебе это может показаться неожиданностью, но на самом деле я много думала об этом в последние годы. Но, как и в случае с советом моего отца, я отмахивалась от этих мыслей и притворялась, что все в порядке. Что этот постоянный трепет от мысли о том, за какого человека я когда-то вышла замуж, был не чем иным, как преувеличением и бредом истеричной особы.

Но я не могу больше закрывать на это глаза. Несмотря на все прекрасные годы, которые мы прожили вместе, ты и я. Несмотря на то, что ты был самым важным человеком в моей жизни и часть меня все еще любит тебя, я решила оставить тебя.

Поэтому я на некоторое время уезжаю. Куда я отправляюсь — не важно. Главное, чтобы меня оставили в покое и у меня появился шанс снова попытаться найти дорогу к себе. Так что, пожалуйста, Ингвар, умоляю тебя. Не пытайся найти меня, чтобы «образумить».

*Поверь мне, я знаю, что делаю.
Гертруда.*

Только когда он опустился на колени и начал протирать плинтус, понял, насколько тот грязный. Что он уже вовсе не белый, а весь в пятнах. Он хотел, чтобы вокруг были чистота и порядок.

Он где-то прочитал однажды, что, как бы странно это ни звучало, пол, а иногда и унитаз были на самом деле самыми чистыми в доме. Самыми грязными и к тому же чемпионами по количеству бактерий на них были, по-видимому, мобильный телефон, пульт от телевизора и клавиатура компьютера, а уже за ними следовали в списке плинтуса.

Ночная миссия в некотором смысле тоже была уборкой. Все прошло, как он и планировал, так что он наконец снял этот камень с души. Миссия была выполнена, и предыдущее фиаско, можно сказать, полный провал, теперь не было открытой воспаленной раной. Она была продезинфицирована, как следует промыта и со временем должна превратиться в красивый шрам.

Уже завтра снова наступит время для нового задания, но он не чувствовал никакого напряжения. Большая часть была под контролем. Сегодня утром он достаточно быстро преодолел свое обычное расстояние в бассейне и впервые смог уложиться в два часа. Он даже заказал резиновую лодку с подвесным мотором, закупил припасы и упаковал большую

часть снаряжения.

Но не бывает так, что везет во всем. Внезапно очнулся дверной звонок в прихожей и начал звонить. На этот раз он даже не вздрогнул. Та женщина-инспектор теперь бывала здесь так часто, что было бы удивительно, если бы она не пришла и не позвонила и сегодня тоже.

Это начинало раздражать. Вся его гармония и сосредоточенность, над которыми он так долго работал, чтобы продолжать двигаться вперед, были разбиты на мелкие кусочки этим действующим на нервы звуком. Если бы только он мог забить на это... Пусть бы звонила себе! Но у него не получалось забить. Назойливый сигнал мешал ему думать. Он даже не мог закончить отдраивать чертов плинтус.

Может быть, стоило покончить с этим раз и навсегда. Можно было без проблем просто открыть дверь, впустить ее, выслушать, и совершенно спокойно избавиться от нее одним из способов, который выберут кости.

Времени было не так много, так что сначала нужно получить ответ «да» или «нет» на вопрос: позаботиться об этом сейчас или оставить все как есть? Он снял перчатки, достал одну из шестигранных костей, которые всегда лежали у него в кармане, потряс кубик в руках и бросил на пол.

Тройка.

Вместе с единицей и двойкой это означало «да», это не могло не радовать: кости снова были заодно с ним. Теперь оставалось только решить, как все будет сделано, тогда ему

останется только открыть дверь. Он бросил кости еще раз, чтобы выяснить, в какой категории следует продолжать. Как всегда, нечетные числа означали *орудия убийства*, а четные – *способ убийства*.

Пятерка.

Список различных видов оружия, пронумерованных от одного до двенадцати, он знал наизусть, поэтому мог сразу же приступить к броску, который определит, использовать ему одну или две кости.

Тройка.

Значит, надо продолжать использовать один кубик, и под назойливый сигнал дверного звонка он взял его, потряс в сложенных ладонях, а потом снова бросил на пол и не сводил с него взгляда, пока он в какой-то момент не остановился.

Двойка.

Кости сделали свой выбор, к тому же весьма продуманный. Он будет использовать веревку, которая была идеальным оружием, учитывая то, что он находился дома в квартире. Она не сможет ни закричать, ни издать других звуков. Не будет никаких брызг крови или другой грязи теперь, когда он так хорошо прибрался. Кроме того, он уже купил веревку и упаковал ее вместе с остальным снаряжением, которое должен был взять с собой этой ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.